

Р 35054

ЛЕОНИД
ПЕРВОМАЙСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОГИЗ • ГОСЛИТИЗДАТ
1945

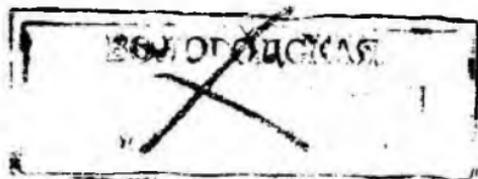
11

ЛЕОНИД ПЕРВОМАЙСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Под редакцией

П. АНТОКОЛЬСКОГО и Н. БРАУНА

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы

Москва 1945

З Е М Л Я

(1941 — 1945 г.)

З Е М Л Я

Осенний путь... Осенний ржавый шлях!
Как мертвецы, снопы лежат в полях,
Продрогший куст под ветром облетает,
Столбы высоки, облака низки,
И холодок тревоги и тоски
В моём притихшем сердце нарастает.
О, как дрожат под ветром провода,
Как дребезжат прерывисто и длинно,
Как солнце падает, как будто навсегда,
За чёрный горизонт твой, Украина!

Грузовики гремят не в первый раз,
Не в первый раз проходит мгла у глаз.
Не в первый раз доносит запах дыма
Недальнего пожара... Не впервой
Летает смерть над нашей головой
И, не найдя нас, пролетает мимо.
Но сердце никогда в груди моей
Так не дрожало... Нас везёт машина
Последнею дорогою твоей,
Твоей землёй последней, Украина!

Я знал тебя с младенческих годов.
Я отдыхал в тени твоих садов,

Любил с тобой встречаться на рассвете,
Тропинка шла хлебами напрямик,
Туда, где трепетал степной родник,
Попавший рыбкой в солнечные сети.
В предутреннем сиянии над ним
Склонялась многолетняя калина,
И в небо тихо подымался дым
Твоих селений мирных, Украина!

Далёкие безоблачные дни!
Мне вдруг так ясно вспомнились они
Под рёв грузовика, буксующего в луже.
И виделся любимый образ мне,
Неуловимый, зыбкий, как во сне,
Наперекор ветрам и едкой стуже.
Я вылез и на борт налёг плечом.
Пристали к борту чернозём и глина.
Ревел мотор. Так в поле под дождём
Прощался я с тобою, Украина!

Машины грузно двинулись, пошли..
Нагнувшись, я поднял комок земли,
Нахлёстанный осенними дождями.
Он тяжко холодел в моей руке,
Как сердце без кровинки... Вдалеке
Пожар высокий задрожал за нами.
И вздрогнул я, услышавши гудок,
И побежал — меня ждала машина,—
Но я не бросил наземь тот комок
Твоей земли озябшей, Украина!

В нём всё, что остаётся мне от дней
Степной и вольной юности моей,
В нём память про цветенье молодое,
Про степи розовые поутру,
Про старый куст, шумящий на ветру,

Склонившийся над светлою водою
Минувшего... Земли сырой комок
Пусть же в нём сольются воедино,
В один живой, неистовый поток,
Моя печаль и гнев мой, Украина!

Я пронесу его сквозь все бои,
Как кровь свою, как помыслы свои.
Моя душа сольётся с ним навеки.
Теперь он всю мою судьбу хранит,
Как пепел Клааса, в сердце мне стучит,
И в снах бурлит, как в половодье реки.
Он поведёт меня в моей борьбе.
Пройдёт в походах трудная година,
Настанет день, и я верну тебе
Комок земли нетленной, Украина!

А если я в сраженьи упаду
На мёрзлую седую борозду,
Раскинув руки, точно для объятья,
И если меж холмов земли немой
Мой миг последний встретится со мной
И не смогу ни мыслить, ни дышать я,
Пусть родина тогда, склонясь ко мне,
Сорвав ремни, найдёт на сердце сына
Твой, не сгоревший ни в каком огне,
Комок земли горячей, Украина!

ПУТЬ

Я помню сердцем город за Днестром,
Где плыл по небу месяц, как паром,
Где шелестели в яворах сады,
Где осенью кленовый лист кружил,
Где и мои впечатаны следы,—
Тот милый край, где я любил и жил...
Где этот город? Нет его. Над ним
Холодный сумрак, тишина и дым.

Я проезжал тем городом в ночи.
Ни огонька, ни лампы, ни свечи.
И слышен был лишь храп грузовика
Да месяц из-за тучи выплывал.
Всю славу, что сулили мне века,
Я б за огни в том городе отдал.
Полузакрытых фар сырая муть...
Какой холодный и тревожный путь!

Какой холодный и тревожный миг!
Какую боль внезапно я постиг!
Ещё лежат над водами мосты,
Ещё блестят песчинки под луной,
Но это сон, и ты уже не ты,
И мир лежит вокруг тебя иной.

Все изменилось: запахи, цвета,
И ты не тот, и жизнь твоя не та.

Не так давно я в этих был местах.
Весна бродила в молодых полях.
А нынче кто бредёт по степи той?
Кто спит у этих выбитых дорог?
О чём поют столбы над головой?
И кто вчера о том подумать мог?
Пришла гроза, гремит недобрый гром
Над злом твоим и над твоим добром.

Отвечу я ударом на удар.
Я слышу рёв покинутых отар.
Из милых сёл, вдоль чёрных смятых нив,
Выходят люди, без дорог, вперёд.
И ветер ночи, пламя подхватив,
Под тучами пожары развернёт.
Над степью поднимается туман.
В леса уходит хмурый партизан.

Товарищ давний мой, пойдём, пойдём!
Вернёмся мы в родной наш край, в наш дом.
И будет снова в окнах свет зажжён,
И мы пойдём на зов родных огней,
И мы опять обнимем наших жён.
Пускай родят нам новых сыновей.
Для них одних нам суждено пройти
Ночных боёв железные пути.

Мне суждено пройти сквозь эту ночь
И холод этой правды превозмочь,
Затем что я мужчина и солдат.
Пора, пора! Великий пробил час.
Кто взял винтовку, не свернул назад,
Кто на плечо надел противогаз,

Пусть знает тот, пусть твёрдо верит тот:
Дорогой горя к счастью он идёт.

Товарищ давний мой, пойдём, пойдём!
Вернёмся мы в родной наш край, в наш дом.
Когда не я, то, может, ты придёшь
И дверь мою решишься отпереть,
Мои огни в моём доме зажжёшь
И песнь мою осмелишься допеть.
Так пой и знай, что я нашёл в бою
И славу, и любовь, и честь свою.

НА ПОЛТАВЩИНЕ

...Когда-то на Полтавщине я жил,
Над тихую рекой Берестовую.
Звенящею степною тишиною
Мой ясный мир до края полон был.
Я помню чистый утренний мотив,
Подхваченный степными голосами,
И ветерок, дрожащий над лесами,
Волнующий раздолье вольных нив.
Охапку солнца полдень уронил
В ложбинку у сверкающей криницы,
И сказочный певучий мир жар-птицы
Моё ребячье сердце полонил,
А нынче только шелест птичьих крыл
Мне весточкой сдаётся дорогою
Из мест, где на Полтавщине я жил,
Над тихую рекой Берестовую.

Немалый путь прошёл по жизни я,
Легко минувя годы и просторы,
Я восходил на снеговые горы,
Сходил в долины на дымок жилья.
В непасть я переплывал моря,
И земли открывались мне иные.
Меня вносили коршуны стальные,

Встречала в тучах ранняя заря.
Я видел юг, и север, и восход,
Чужих краёв пленялся я красою,
Но всюду он вставал передо мною,
Младенчески-туманный небосвод.
Из дальних странствий я назад спешил,
Измученный тревогой мировую,
В края, где на Полтавщине я жил,
Над тихую рекой Берестовую.

Чем дóроги они душе моей,
Степные зори, дождики косые?
За что так жаль мне рощицы босые,—
Приют укромный диких голубей?
Садочки, хаты, улицы в пыли
Непроходимой, розовой, горячей?..
Зачем всё это предо мной маячит
В туманной вечерющей дали?
Тут родился я, бегал босиком,
Рос, как трава, и всё мне было мило.
И, где б я ни был, сердце не забыло,
Что там остался детства добрый дом,
Что он меня от непогод хранил,
Став для меня твердыней вековой
В краю, где на Полтавщине я жил,
Над тихую рекой Берестовую.

Здесь радости не знающая мать
С отцом седым в трудах перебивались.
От сына счастья ждали,— не дождались.
Вся жизнь прошла. Они устали ждать.
Как будто сквозь туманное стекло
Я вижу их: встаёт передо мною
Всё милое, далёкое, родное.
И снова мраком всё заволкло.
Звон ковыля и запах чебреца

Доносятся ко мне из дали дальней,
От тех могилки матери печальной
И до смерти уставшего отца.
Вовек мне не найти родных могил,
Вовек не окропить водой живою
В краю, где на Полтавщине я жил,
Над тихую рекой Берестовую.

Луна над камышами, над рекой,
Челнок забытый дремлет на причале.
Доносят песню меркнувшие дали.
Вечерний мир... Синееющий покой.
Ползёт по склону тёмных листьев шум.
Столетний сад листву свою колышет
И день и ночь не спит и шумно дышит,
Томимый чёрным роем трудных дум.
Он знает всё... Мелькнула тень в кустах,
Платочек промелькнул меж деревьями.
О, сны мои, что мне поделаться с вами?
Горите же, не превращаясь в прах!
Напоминайте мне мой первый пыл
И первый гром любви над головою
В краю, где на Полтавщине я жил,
Над тихую рекой Берестовую.

Чем помяну я, чем согрею вас,
Далёко отлетевшие виденья?
Проходит вечность, торопя мгновенья
И сединою покрывая вас.
Железо меркнет, и ржавеет сталь.
Что ж нам гадать о нашей смертной доле?
Затем и сердце стиснулось до боли,
Что мне минувшей молодости жаль,
Жаль первой песни, что в душе росла
И, в теплоте вскормлённая, как птаха,
Почувяв силу, вырвалась без страха,

Разрезав воздух лезвием крыла.
Она вернётся, ей достанет сил,
Она пробыётся ночью грозвою
В края, где на Полтавщине я жил,
Над тихою рекой Берестовою.

А сам я как? Дойду ли сквозь бой
В край, где любил и набирался силы?
Увижу ли ещё раз берег милый?
Воскреснут ли былые сны мои?
Там ночь теперь... Пожаров дымный след.
Страшны во мраке бедные долины.
Там детства моего стоят руины.
А может статья,— и развалин нет?
Но пусть к руинам,— всё-таки пойдём!
Всем самым благородным в человеке
Мы поклялись им в верности навеки,
И мы вернёмся или смерть найдём.
Ступай же с песней, что в бою сложил,
Оружье стиснув верною рукою,
В края, где на Полтавщине ты жил,
Над тихою рекой Берестовою.

В осенних полях, меж снопов почерневшего жита,
В лесах партизанских, под ветра пронзительный свист,
На мокрых дорогах, где в след боевого копыта
Ложится устало осенний краснеющий лист;
Под блеском орудий, коснувшихся громом зенита,
Под тучею дыма, которым черна синева,
В бессонницу, ночью, в тревоге томительной, скрытой.
Я думаю всё о тебе и в разлуке, Москва!

Над нами гудят самолёты, мы слышим их клёкот,
Смертельным огнём пулемёт нас осыпать готов.
Мы слышим на флангах промчавшейся конницы цокот,
И сыплются звёзды во тьме от удара клинков.
От вражеских танков сумеем мы ночью отбиться.
Под нами чернеет земля, холодна и мертва.
На землю похожи бессонные серые лица,—
Но мы к наступленью готовы,— ты слышишь, Москва?

На Красную площадь я вышел с зарей пред восходом,
Туманныеплыли созвездья в немой вышине,
И я уносился мечтой к легендарным походам,
К далёким боям, отгремевшим в дыму и огне.
И всё, чем я жил, что меня породнило с тобою,—
Минувшие годы, и слава твоя, и слова —
На сердце звучали призывом к смертельному бою
За вечную правду твою и победу, Москва!

Я в звёздном мерцании склонялся тогда к мавзолею,
Потоками света стремились века наяву.
Всем пылом души, всей отвагой, всей жизнью своею
На верность тебе присягал я, куда живу.
Я помню и небо твоё с лучезарною далью,
И дружбу, которая в сердце и ныне жива.
Ведь нежную юность свою закалили мы сталью,
Бессмертьем своим ты и нас окрылила, Москва!

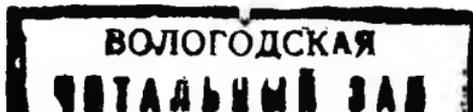
О братья мои — в Ленинграде, в Баку и Тбилиси,
Я слышу, как ваши сердца застучали живей.
В лесу я мечтаю о том, чтоб мы снова сошлись
Отпраздновать нашу весёлую встречу в Москве.
Ведь мы присягали над сталью клинков голубою,
Над водами рек, обтекающих наши края.
Мы клятву сдержали и вышли, готовые к бою,
Чтоб в звёздах над миром сияла победа твоя.

В осенних полях, меж снопов почерневшего жита,
В лесах партизанских, под ветра пронзительный свист,
На мокрых дорогах, где в след боевого копыта
Ложится устало холодный краснеющий лист;
Под воем орудий, поднявших жерло до зенита,
Под тучею дыма, которым черна синева,
В бессонницу, ночью, в тревоге томительной, скрытой,
Я думаю всё о тебе и в разлуке, Москва!

ПАРТБИЛЕТ

Его нашли в ночи на поле боя.
Вдали раскаты грома улеглись.
Лишь молниєю редкой, голубою
Ещё огни сигнальные рвались.
Полк наступал. За рощицей недалней
В ночную темноту бойцы ушли.
Мы молча шли долиною печальной,
Где наши братья в битве полегли.
Боец лежал как будто на привале,
Но нам тревога стиснула сердца.
Склонились мы и партбилет подняли,
Лежавший возле сердца у бойца.

Мы дальше шли. Ни слова меж собою.
И лишь когда зарозовел рассвет,
В степной тиши, уже привыкшей к бою.
Мы молча развернули партбилет.
Насквозь пробитый пулей роковою,
Загородил он сердце сколько мог
И как свидетель гибели героя
Ворвался в мир моих ночных тревог.
И долго я молчал над ним, пробитым
Горячей каплей вражьего свища,—

Над этой книжкой, что в бою открытом
Лежала возле сердца у бойца.

И я за ней увидел в жарком споре
Весеннее безумие земли,
Цветенье трав, немолчный рокот моря,
Всё, что мы в мире жизнью нарекли.
Боец, порывом движимый единым,
Жил молодым и умер молодым.
И, как родная мать над верным сыном,
Склонилась тихо родина над ним.
Как сын, послушный материнской воле,
Он от беды не отвернул лица.
Так мы нашли бойца в туманном поле
И партбилет на сердце у бойца.

Друзья мои! И мы на поле боя,
Быть может, встретим свой последний час.
Встаёт рассвет за далью голубою.
Дымок сражений обвекает нас.
Встаёт рассвет, тревогами объятый.
За рощицей стрекочет пулемёт.
И, по пути бессмертья и расплаты
Лавиною полки идут вперёд.
Всегда вперёд идти в бою открытом!
Мы поклялись сражаться до конца
Над партбилетом, пулею пробитым,
Что был в бою на сердце у бойца.

ПОДВИГ

Запели моторы, и звёзды бледнеют и гаснут.
Поля проплывают холодной туманной пустыней.
И в небе рассветном у края маячит неясно,
Как остров средь моря, просвет лазорево-синий.

Дрожит на крыле самолёта надломленный стебель,
И ветер сорвать его — сколько ни бьётся — не может.
И кажется странню знакомым полёт этот в небе,
Как будто он в детстве, со сказками рядом, был прожит.

Мелькает земля, далека и близка, за пределом,
Как чаша большая, налитая грустью ненастья.
А снилось ему — журавлём в облака залетел он
И крыльями мерил полнеба, полмира, полсчастья.

Суровые ветры в полёте его обевали,
Легко и свободно парил он года над горами,
Лазурь рассекая, врезаюсь в туманные дали,
В горючие ливни, в полдненное жгучее пламя.

Встречал он рассветы над морем лазоревым, южным,
И полюс вихор ему оледенил сединою.
Трудом стала грёза, труд — подвигом общим и дружным.
Шли годы, внезапно июнь разразился войною.

И весь кругозор под крылом задымился от зарев,
И в небо высоко взлетали стальные зарницы,
И в небе кружили, налётом зловещим ударив,
Как вестники смерти, чужие, враждебные птицы.

Земля разрывалась под скрежет железа и стали,
Сжимала в объятьях холодных своих поднебесье.
А он, пролетая в обвистанной вьюгами дали,
Всё грезил про детство своё, про родное Полесье.

За белым туманом вставало село над рекою,
Как будто из чащи лесной вырывалось на волю,
И мать из окошка грозила мальчонке рукою,
И к дому родному бежал он из дальнего поля.

Вилась огородом тропинка к реке, и у кручи
Качалась на привязи лодка в зелёной осоке,
А дальше луга, и леса, и вишнёвые тучи
Вставали, как сон, отражённые в речке глубокой.

В приказе вдруг вспыхнуло всё, что забылось, погасло:
Замшелая, старая хата, и лес, и болото,
И детские грёзы, и сказок червонное свясло...
А стебель осенний звенит на крыле самолёта..

На этой дороге, знакомой ему с малолетства,
Найдёт он что нужно без карты и даже вслепую.
Он смотрит на землю, как взрослые смотрят на детство,
На старую сказку, наивную, но дорогую.

Он видит: проходят отряды, скользят мотоциклы,
И стелется пыль по дороге извилистой, длинной,
И кажется, хата знакомая ниже поникла,
Опутана проволокой, словно куст паутиной.

У ветхого тына стоят офицеры штабные,
И с удочкой в лодке сидит ординарец их в шлеме,
Чужие, незваные гости, налётчики злые
Насильничают, издеваются злобно над всеми.

Пускай испытают враги его смелость и силу!
Пусть грянет над ними за их преступления расплата!
И смотрит он пристально вниз, и в глазах зарябило.
И мнится ему: мать-старуха выходит из хаты.

И вспыхнуло сердце, как сноп золотой обмолота
На чёрном току, вдруг охваченный пламенем жгучим.
Он кружит над хатой в виражах крутого полёта
Сквозь проблески солнца, сквозь ветер вишнёвый и тучи.

О детство, прощай, догорай огневою грозой!
Прощайте, знакомые стены замшелого сруба!
И он наклонился — и видит уже под собою
Одно пепелище и дымные чёрные клубы.

Он видит, как хата родимая тлеет, сгорая,
И зарево в небо к нему простирает объятья.
Он вновь пролетает и шепчет: «О мать дорогая,
Откликнись, жива ль ты осталась? Хотел бы узнать я!»

И слышит он голос, ворвавшийся в клёкот мотора.
То матери голос: «Тебя я увидела в небе!
Спустись же скорее ко мне с голубого простора...»
...Звенит о крыло самолёта надломленный стебель...

ПОБЕДИТЕЛЬ

Павлу Антокольскому

Над лесом дремучим вставали и меркли созвездья.
Сквозь чёрные тучи, сквозь дымно-кровавые тучи,
Могучие сосны, вершинами вздрогнув от боли,
Под корень подсечены, тяжко валялись на землю.

Удар за ударом раскалывал мрак полуночный.
Столбами земля вырывалась в пронзённое небо,
Где грохот железный носился на крыльях незримых,
И чёрным огнём засевались глухие просторы.

Мы молча лежали на тёмной обугленной хвое.
Землёю нас всех закидало, как мёртвых, до срока!
И всё вдруг померкло — надежда на дальнюю радость,
Любовь позабытая, юность, о счастье мечтанья.

Гроза всё росла, мы всё ниже к земле прижимались,
Как к матери дети, напуганы грохотом грома.
Над нами в серебряном панцире, в белом скрещённом
Лучистых мечей ненасытная гибель трубила.

От боли тупой разрывалось мучительно сердце.
От целого мира, от жизни нам только остались —
Огонь ослепительный, грохот, удары и взрывы,
Которые нас прижимали к обугленной хвое.

Казалось, что сосны в полёте, и звёзды в паденьи,
И тучи багровые в диком стремлении в бездну
Встречали средь хаоса тьмы роковую минуту,—
Минуту последнюю многострадального мира.

И вдруг в завывании, в клёкоте хищном моторов,
В громах канонады, во взрывах стремительных вихрей
Послышался голос знакомый, забытый, далёкий,
Над нами во тьме напевавший какую-то песню.

И долго не мог я понять и не мог догадаться,
Откуда тот голос,—а голос звенел надо мною
Так чётко и властно, отдельно, ни с чем не сливаясь,
Средь гула моторов, средь трубного рокота смерти.

И лишь на рассвете, когда прошуршали над ухом
Чуть слышные взмахи и шёлковый шелест крылатый,
Я вдруг догадался, что это кружит надо мною
Звеневший трубою надежды, комар неуёмный.

Я слышал в тот миг лишь его непокорное пенье,
А вслед возникали и жизнь, и воскресшая радость.
Труби, победитель! На небе заря золотая
Глаза открывает, цветы оmyвает росю.

СУСАННА

Когда в июне началась война,
И дрогнула земная тишина,
Разбужена глухим ударом грома,—
Разлуки разделяла нас стена.
В те дни была ты не в семье, одна,
На берегу морском, вдали от дома.
А он стоял неприбранным—наш дом,
В стенах не раздавался смех знакомый,
Молчали мы, тревожась об одном,
В неизвестность думой смутною влекомы.
Жизнь начинала новый трудный круг,
Неумолим был голос бури бранной.
Про дальний путь твой, детский твой испуг,
Я думал про тебя в тот миг, Сусанна.

Июньской ночи тёмной был разлив,
Любимых лиц во тьме не различив,
Мы обнялись на роковом пороге.
Каштановые свечи, листья ив,
Как счастья позабытого призыв,
Рванувшись вьюгой, нам легли под ноги.
Так, в эту ночь гналось за нами вслед
Минувшее по грозовой дороге.
Без слёз в предчувствии грядущих бед,

Склонились мы над ним в глухой тревоге.
Ещё с былым нас связывала ты,
Но путь стелился сквозь простор туманный.
Так, на заре переходя мосты,
Я с болью думал о тебе, Сусанна.

На фронт! На фронт! В недолгий срок борьбы
Холмов уж окровавились горбы.
Мы честно бились, но напором шквала
Валило нас, как молнией дубы,
В бою победа шла на зов трубы,
Но нас в лицо ещё не узнавала.
В ночь отступленья я зашёл в наш дом.
Как пусто в нём, как холодно в нём стало!
Взглянул в окно. Гремел далёкий гром,
И туча небо хмуρο застилала.
Шли беженцы, шли дети на восток,
Шли толпы бесконечно, беспрестанно,
И, глядя сквозь туман на их поток,
Я думал о тебе в тот миг, Сусанна.

Я утром в комнату твою зашёл,—
Следы мои легли на пыльный пол,
Как будто проходил я по пустыне
Печали я в тот миг не поборол,
Твои тетрадки на столе нашёл,

И сжалось сердце — отдано кручине.
Вот золотая рыбка за стеклом
Совсем зачахла в плесени и тине.
Луч на стене... Я думал вновь о том,
Что города, и сёла, и святыни
Поруганы. Что хлеб нужды сухой
Кропить слезой тебе пришлось так рано,
Что навсегда утрачен наш покой,
Я думал о тебе в тот миг, Сусанна.

И я сказал себе: настанет час
Когда опять взойдёт заря для нас,
Когда для нас вновь заиграют реки,
Лишь горечь не уйдёт из наших глаз
И отблеск стали жёсткий, без прикрас,
Останется в глазах людей навеки.
Но для того идём сквозь пламя мы,
Идём сквозь кровь и не смыкаем веки,
Чтоб радуга, сверкая после тьмы,
Как музыка звенела в человеке.
Огонь дотла палит солому. Сталь
В огне седую станет и чеканной.
Так, твёрдой верой поборов печаль,
Я снова думал о тебе, Сусанна.

И ты должна подобной стали стать,
И твой удел пути борьбы узнать.
Готовь себя к минуте той единой,
Когда ты жизнью сможешь доказать,
Что родила тебя неробкой мать,
Что у тебя в груди не горстка глины,
А сердце беззаветное стучит,
Познавшее пожары и руины.
Ему любовь к отчизне—верный щит,
Любовь к суровым звёздам Украины.
Когда же скорбь и горечь бытия
Тебя обступят, как и нас, неожиданно,
Ты вспомни обо мне в тот час, как я,
В час испытаний о тебе — Сусанна!

МИКОЛА ШЛЯХОВИ

Не раз мне ждать рассвета приходилось
На полпути, где заставала мгла.
Я слез с коня у хаты, что уютилась,
Заброшенная, на краю села.

Открыла дверь мне, встретив, точно сына,
Колхозница пятидесяти лет.
Тревога вдовья, горькая кручина
В её глазах оставили свой след.

Как два крыла, посеребрённых вьюгой,
Две пряди бились под платком у ней.
Хозяйка усадила в красный угол
И стала угощать нас как гостей.

Утомлены мы были переходом.
Из фляги — для тепла — вина отпив,
Я ужинать уселся с коноводом,
За угощение поблагодарив.

Известны материнские печали.
«Не первый день вы, видно, на войне...
Быть может, сына моего встречали?
Вот скоро год, как он не пишет мне...»

Я усмехнулся. Разве каждый встречный
Запомнится в дороге боевой?
Но спрашивала мать в тоске сердечной.
«Как звать его?» — «Микола Шляховой».

Микола Шляховой? Как сон, сначала
То имя показалось мне чужим.
«Нет, не встречал...» — И вдруг меня помчала
Волна — в прошедшее, в огонь и в дым.

Уже не слышал я ни слов старушки,
Ни слёз её: «Поди уж не живой...»
Горит село. Гремят за лесом пушки.
Выходит в бой Микола Шляховой.

Да, вспомнил я! Наш полк не знал покоя.
Вблизи родных днепровских берегов,
Двенадцать дней не выходя из боя,
Встречал он наступление врагов.

Кольцо сжимала вражеская сила,
Обрушился на нас фугасный шквал,
Сто автоматчиков строчили с тыла,
Но полк знамён пробитых не сдавал.

Был командир убит. Чуть слышно, слабо
Хрипел: «Воды, воды», — сквозь бред и жар,
Смертельно раненный начальник штаба.
Погиб на минном поле комиссар.

Бой, как смола в аду, кипел всё время.
Не умолкал ни на минуту бой.
В своём стальном зелёно-сером шлеме
В атаку шёл Микола Шляховой.

И к небу поднимались клубы дыма,
И Днепр вдали сверкал, как серебро.
И вновь, и вновь наш полк неутомимо
В атаку шёл с отсеком партбюро.

Осуществляя сам свои приказы,
Под грохот мин, под пулёмётный град
В атаку он ходил четыре раза,
Но пятый раз он не пришёл назад.

Из плащ-палатки смастерив носилки,
Бойцы доставили его в село.
На ремешке кровавом у затылка
Железный шлем повиснул тяжело.

И я ответил матери, как каждый
Ответил бы, припомнив жизнь свою:
«Я видел сына твоего однажды —
Он, как герой, сражался в том бою.

Он жив, твой сын. Прославленный боями,
Под свистом пуль, он и сейчас идёт,
Подняв высоко полковое знамя,
Туда, к Днепру широкому — вперёд.

А что не пишет он, что нет предела
Слезам и горю... Не кручинься, мать!
Теперь в боях работа закипела —
И письма некогда ему писать».

МАТЬ БОЙЦОВ

Нет писем, сын мой, от тебя давно...
Проходит мимо сон, темно окно,—
Лежу, гляжу бессонными очами
В ту непроглядную, слепую тьму,
Где ты идёшь в пороховом дыму
Кровавым полем, вспаханным боями.
Зенитки бьют, прожектор тучу рвёт,
Ловя рукою бледной самолёт.

Твоих я писем буду долго ждать...
Пронёсся самолёт, летит опять —
И дымные колеблются руины,—
Но страх, как прежде, сердца не щемит...
Дыхание боёв грозой гремит
По городам и сёлам Украины.
Я слышу голос твой из глубины
Изрытых бомбами полей войны.

Вперёд, мой сын! — наказ тебе такой
От матери, хоть старой и седой,
Не сломленной ни горем, ни тоскою.
Вперёд же, сын мой, сквозь огонь и дым —
Непобедимым, вечно молодым!
Пускай снаряды воют над тобою,

Стальную танки надрывают грудь,—
К победе поведёт тебя твой путь!

Я знаю всё. Кровава и страшна,
Моей тропы не обойдёт война.
В моей душе вскипают гнев и горе,
Но я пройду спокойно путь беды.
Вернёмся мы на старые следы,—
Враг лютый нашей крови не поборет.
Вперёд, мои сыны! В суровый час
Я для победы породила вас!

Я мать бойцов,— вы все мои сыны,
Все, кто идёт дорогою войны,
Как пахарь по распаханному полю,
Кого укрыл боёв кровавый пыл,
Кто не жалеет жизни, крови, сил
В бою за честь отчизны и за волю.
Я мать бойцов, и не один из них
На ратном поле писем ждёт моих.

Сгибаются над водами мосты...
Летят, летят в далекий бой листы
Тех писем, что я в сумерках писала,
Когда лучи прожектора в окне
Сменял рассвет, всегда желанный мне.
Другой такой же час я вспоминала:
Когда в тиши неясно-голубой
Тебя я провожала в смертный бой.

Не забывай меня, знай наперёд:
Когда суровый командир пришлёт
Мне краткое, как выстрел, извещение,
Что ты, отважный, юный мой боец,
Нашёл в бою с противником конец,
Я, не скрывая слёз, найду терпенье,

Чтоб дальше жить, и только буду знать:
Не надо одного из славных ждать.

Я буду твёрдо знать: свой трудный путь
Твои все братья, как и ты, пройдут...
С тревогою в живых сердцах, по следу
Грозы, что наши замутила дни,—
На шумных стягах принесут они
В родимый край священную победу.
Моя любовь, о, сын родимый мой,
Тебя сегодня посылает в бой!

СОЛОВЬИ

Памяти комиссара Макарова

Три залпа тихо прозвучали,
И гроб исчез в могильной мгле.
Мы не впервые узнавали
Боль расставанья на земле.

И не в последний раз в печали
Замолкли мы, окаменев,
И выстрелами присягали
На верность, на священный гнев.

Я с ним, бывало, ночью, в мае
В лесные приходил края;
Грустя, дивились мы, внимая
Забвенной песне соловья.

Едва знакомы, непохожи,
Мы братски слушали вдвоём,
Как птицы, темноту тревожа,
Звенели чистым серебром.

Мы спали на одной шинели,
Делились хлебом, кипятком,
Болтали о недавнем, пели,
Из-под полы куря тайком.

А ветер трогал сень густую
К рассвету мог начаться бой.
Играл он песенку простую
Нам на гармонике губной.

Не думалось, что неизбежно
Себя здесь каждый отдаёт.
Вставал рассвет тревожный, нежный,
Как жизнь тревожная встаёт.

Когда же из укрытья пушки
Загрохотали всё сильнее,—
Внезапно на густой верхушке
Запел, залился соловей.

Над ближним озером, над лесом,
Над степью, что кругом цвела,
Над смертью, кровью и железом,
Та песнь победная текла.

Такой на свете нету силы,
Чтоб мы с дорог своих сошли,
Чтоб мы забыли те могилы,
Где наши братья полегли.

Былые дни припоминая
И эти смертные бои,
Мы к ним ещё вернёмся в мае,
Когда засвищут соловьи.

ПЛАТОК

Ивану Ле

Ее мы вместе видели с тобою.
Не позабыть минуты этой мне.
Ты помнишь, как на раздорожьи боя
В холодном ослепляющем огне,

Под вишнею, с потрёпанной котомкой,
Она сидела над своим шитьём
Спокойно, как из горного обломка
Изваянная огненным резцом.

Из туч, нависших над громадой леса,—
На крыльях знак, что смерть всему несёт,—
Рвался упорно сквозь огня завесу,
Над нами пролетая, самолёт.

Бойцы взбежали на подъём увала,
Жерло зенитка к небу подняла,
А девушка платок свой вышивала,
Не поднимая смуглого чела.

О чём ей думалось под бурей близкой?
В бою кровавом что нашла она?

Она была штабной машинисткой
В дивизии, давно не знавшей сна.

О чём ей думалось? В огне горела
Земля, состарившаяся в боях.
А на ветру платочек шитый, белый,
Как голубь, бился в девичьих руках.

Заветной думой сердце запекает:
Подарка ждёт её любимый друг.
Удар. Огонь. Ресницы поднимает,
Не выпуская полотна из рук.

От вязов к тополям перебегая,
Под пулемётным стрёкотом тупым
Упал товарищ, кровью истекая,
И, жадная, склонилась смерть над ним.

Тогда она, платочек стиснув тонкий,
Под ливнем пуль к солдату подошла,
Его поцеловала, как ребёнка,
И стёрла пот с бескровного чела.

Когда ж опять над русою головкой
Блеснул огонь... Село застлала мгла,—
Она, согнувшись под своей винтовкой,
Со всеми в наступление пошла.

РАЗВЕДЧИК

Не зашуршит ковыль густой,
Сучок не треснет под ногой,
 Не просквозит туман.
И в дождь, и в темь, и при звездах,
Бесшумно крадучись в кустах,
 В руке зажав наган,
С гранатой верною сам-друг
Разведчик полем, через луг
 Ползёт во вражий стан.

Он переходит речку вброд,
След вражий ищет,— и найлёт,
 И снова в ночь нырнул.
Мотоциклисты у реки,
Везут солдат грузовики,
 И танков рёв и гул,
А он уже среди села.
Густа, слепа ночная мгла,
 Но штык вблизи блеснул.

Он видит: в темноте ночной
Стоит фашистский часовой —
 Склонилась тень на тын.
Он слышит: тишину на миг.

Взорвал предсмертный женский крик.
Шаги... и гарь руин.
И снова тьма и тишина,
И сон у каждого окна,
Лишь он не спит один.

Ползёт... Удар по голове —
И часовой лежит в траве.
И в штаб приходит он.
Шесть офицеров у стены
Спят, видят золотые сны,
Но каждый осуждён.
И смерть у ложа их стоит
И неусыпно сторожит
Последний краткий сон.

Разведчик вышел за порог.
Увидел всё, и всё сберёг
Он в памяти своей.
Он выползает из села,
Его теплом объёмлет мгла,
А тьма ещё черней.
Уносит планы он с собой,
Они решат грядущий бой,—
Дойти бы лишь скорей!

Ползи, разведчик, меж кустов,
Через болото, через ров,
Засады не страшись!
Ползи, разведчик, знаешь сам,
Зачем идёшь, что надо нам,—
В пути поторопись!
Ползи, разведчик, сквозь камыш,
Сквозь тёмный лес, обратно лишь
С удачей возвратись!

ДЕВУШКА БЕЗ ИМЕНИ

В Малине, на дальней Украине...
Слушайте, товарищи, меня.
Протянулись между нами ныне
Сотни вёрст пожаращ и огня.
Песня падает в глухом безлюдьи,
Как берёзовый осенний лист,
Реет над простреленною грудью
И опять летит под ветра свист.
Долго ей скитаться по равнине,
От села до дальнего села...
В Малине, на нашей Украине,
Девушка без имени жила.

Имя девушки той, комсомолки,
Тополь золотой на берегу
Шелестом открыл мне вихомолку,
Но его я вспомнить не могу.
Руки — крылья чайки белокрылой,
Две косы — пшеницы желтизна,
Грезила, грустила и любила, —
Тем и в памяти жива она,
Что лучилось лаской тихой, синей,
Как вода источника, светла...
В Малине, на нашей Украине,
Смерть свою та девушка нашла.

Жить никто из нас не сможет дважды,
Жизнь одна, и родина одна,

И в глазицы смерти взглянет каждый,
Чашу смерти осушит до дна.
Как цветы, что в поле догорели,
Истлевают в сердце юный жар.
Смерть в немецкой форменной шинели
Ночью повела их в Чёрный Яр.
Вместе дружною семьёй единой
Шли они, не преклонив чела...
В Малине, на нашей Украине,
Их земля в объятья приняла.

Это видели украдкой люди,
И сказал старик: «Не убегут!
И на них управа скоро будет,
И над ними грянет страшный суд!»
Видел он — огонь взметнулся ало,
Над кустами вспыхнул и погас.
Слышал он, как девушка сказала:
«И для вас придёт возмездья час!
И для вас на небе солнце сгинет
И погаснет средь могильной тьмы...»
В Малине, на нашей Украине,
Девушки той не увидим мы.

Бродит ветер тропами глухими,
И клубится от пожарищ мгла,
Позабыл я девушки той имя.
Знаю лишь — меж нас она жила.
Знаю, что враги нам путь закрыли.
Мы должны назад их повернуть.
Знаю я, что до её могилы
Мы оружием проложим путь.
Знаю я, что огненной калине
Вновь придётся кровью расцвести...
К Малину, на нашей Украине,
С боем, братья, мы должны пройти!

ПАРТИЗАНСКАЯ БАЛЛАДА

В беззвездную, тёмную ночь листопада
В степях партизанских сложилась баллада,
И с ветром она долетела ко мне.
Мелькают столбы, и летят перегоны!
Гремят эшелоны, идут эшелоны
В осенней холодной ночной тишине.

В беззвёздные ночи не спит Украина
И слышит, как мёрзлая стынет равнина,
Как чьи-то шаги всё шуршат по жнивью,
И слышит, как полем и яром — низами --
Идут партизаны, идут партизаны —
Сражаться за родину, волю свою.

Стоит часовой на мосту замерзая.
И падает с неба крупа снеговая,—
Засыпала плечи, винтовку и шлем.
Стоит часовой на мосту коченея.
А стужа всё злее, а ночь всё темнее,
И небо от туч почернело совсем.

И, как привиденья, скользя в отдаленьи,
На мост выползают и крадутся тени.
Вот ветер взметнулся—и смёл их долой.

Лишь рельсы звенят, и грохочут вагоны,
Гремят эшелоны, летят эшелоны,
И полночь немая встречает их мглой.

Октябрьской ночью беззвёздной, безлунной
Всё ближе, всё громче их грохот чугунный.
Колёса гремят, проклиная свой путь,
Как будто скрипят проржавевшие кости
В тоске по погосте — и в ярости, в злости
Спешат поскорее на мост повернуть.

Темнеет октябрьская степь молчаливо.
Вдруг вспыхнуло небо от молнии взрыва.
Октябрь украинский сверкает без звёзд!
Лежит часовой, партизаном сражённый,
Гремят эшелоны, летят эшелоны
Низринуться в пропасть под взорванный мост.

В беззвёздные ночи не спит Украина
И слышит, как мёрзлая стынет равнина,
Как чьи-то шаги всё шуршат по жнивью,
И слышит, как полем и яром — низами —
Идут партизаны, идут партизаны
Сражаться за родину, волю свою.

ПЕСНЯ ТАРАСА БУЛЬБЫ

У привала партизан калина
Наклонилась сумрачно к воде.
Слышит Бульба дальний голос сына,
Голос сына в гибели-беде:
Ворвались непрошенные гости,
Взяли тысячи в полон. Гляди!
Жилы рвут, ломают наши кости,
Вырывают сердце из груди!

«Чи ты чуешь, батьку?»—«Чую, сыну!»
Хлынул гнев рекой из берегов.
Победим, избавим Украину
От проклятых извергов-врагов!

Воронья ночного злые стаи
Обложили ширь родной земли,
По ночам, в полнеба вырастая,
Полыхают зарева вдали.
Жгут враги и города, и сёла,
Ветер крови след с земли не стёр.
Льются, льются речкой невесёлой
Слёзы наших матерей, сестёр.

«Чи ты чуешь, батьку?»—«Чую, сыну!»
Хлынул гнев рекой из берегов.
Победим, избавим Украину
От проклятых извергов-врагов!

Партизанские привычны кони,
Бульба впереди всех на коне.
Не боятся вражеской погони,
Знают: на войне, как на войне.
Будем бить врагов и в грудь и в спину
И за всё заплатим им сполна!
Кровь за кровь! Очистим Украину,
Так, чтоб снова расцвела страна!

«Чи ты чуешь, батьку?»—«Чую, сыну!»
Хлынул гнев рекой из берегов.
Победим, избавим Украину
От проклятых извергов-врагов!

КУЗЕМИН

Шумят тополя на излучке
Под звёздным высоким шатром.
Затихнут весенние звуки,
Умолкнет играющий гром —
В разлуке Куземин, в разлуке
Останется в сердце моём.

Машины в укрытиях из веток
Прижались к столетним дубам.
Далёкого неба просветы —
Открытый простор журавлям.
Всё это, Куземин, всё это
Навеки запомнится нам!

Родные поля оставляя,
Идут на восток трактора.
Но враг, на пути вырастая,
Там занял дорогу вчера.
Не знаю, Куземин, не знаю,
Что нас ожидает с утра.

Гудят самолёты над нами,
Ракеты взрываются вдруг.
Ветра партизанскими снами

Уж веют из тёмных яруг.
Боями, Куземин, боями
Грохочет окрестность вокруг.

Всю ночь я не сплю в карауле
Но явь моя призрачней снов.
Все песни, тонувшие в гуле,
Мечтания, сказки, любовь,
Что в сердце, Куземин, уснули,
Ко мне возвращаются вновь.

Иду я к кринице в дозоре,
А тропка — как лента ручья.
На тусклом ружейном затворе
Рука холодеет моя.
И зори, Куземин, и зори
Встречаю взволнованню я.

И вдруг тополя на излуке
Поплыли, подобные сну.
Как дикие лебеди, руки
Мою оплели тишину.
В разлуке, Куземин, в разлуке —
Навеки у них я в плену!

Пускай я беды не избуду, —
Я тропку свою перейду.
Пусть счастья себе не добуду,
Пускай осужденье найду, —
Я буду, Куземин, я буду,
Безумствовать в этом саду!

Сильней, тополя на излуке,
Шумите под звёздным шатром!
Гремите, весенние звуки,
Играй, несмолкающий гром!
В разлуке, Куземин, в разлуке
Останься ты в сердце моём!

* * *

Ходит, бродит он за мною,
Не оставит на часок,
Полный грусти, непокоя,
Полудетский голосок.

Что он шепчет непрестанно,
Что рассказывает мне?
О туманном, несказанном
Будто в сказке иль во сне.

То смеётся он, то плачет,
То зальётся, сам не свой.
То огнём вдали маячит,
То степной шумит травой.

И какой бы стороною
Я ни шёл, ни ехал где,—
Голосок летит за мною,
Перекликнется везде.

На холодных полустанках,
Там, где ветра слышен вой,
В тёмных и сырых землянках
На ночной передовой,

На аэродромах вязких,
Под дождями на коне
Слышу шорох крыл. Как в сказке,
Прилетает он ко мне.

Что же бродит он за мною,
Не отступит на шагок,
Полный грусти, непокою,
Полудетский голосок?

И чего он хочет, клича
За собой? И сам он чей?
Знаю я его обличье,
Схож он с грёзою моей,

С нею, смелой и счастливой,
С головы до ног земной,
Легковерной, шаловливой,
Пьяный, буйный, молодой.

Я иду на дальний голос
Как во сне, как сквозь туман.
А в груди вдруг расколосось
Что-то — ноет, как от ран.

Это, силой жизни полно,
Сердце бедное болит,
Беспокойно, неумно,
Громче, громче в грудь стучит.

В грудь колотит, словно в бубен,
Плачет, стонет и поёт.
Всё, что будет — пусть отбудет.
Чудо сбудется, придёт!

Пусть летит, спешит за мною,
Не оставит на часок
Полный грусти, непокоя
Полудетский голосок.

* * *

Ночь на крыле грузовика,
И бомбовоз проходит вражий,
И сеть созвездий так близка,
Что дух захватывает даже.

И все мечтанья прежних лет
Ушли, исчезли, потонули,
Как ясный и холодный след
Огней трассирующей пули.

Открылся жизни смысл иной...
Под шопот ветра отдалённый
В ночи бессонной часовой
Мотив мурлычет немудрёный.

Вокруг легла ночная степь...
Тревоги, дни борьбы суровой...
Простая жизнь, как чёрный хлеб,
Как холод влаги родниковой.

ТЕПЛУШКА

Десять долгих дней
Средь снегов-полей
Вдаль теплушка моя плыла.
Всё темней, темней,
Нет нигде огней,
Нет покоя, и нет тепла.

Снег на окна лёг,
И боец без ног
Звал любимую в тяжком сне.
Я заснуть не мог,
Сто путей-дорог
Предстояло изведать мне.

Сто дорог пройти —
Далеки пути..
Как тревожно гудят мосты!
В сердце грусть нести,
Что взрастила ты,
И в конце не тебя найти.

Порошат снега,
И свистит пурга.
Вновь теплушка, и ночь темна,

И боец не спит
И сквозь сон храпит:
Не кручинься — на то война!

Снег на окна лёг.
Может быть, без ног
Я, вот так же, вернусь к весне.
Кто сказать бы мог?
Сто путей-дорог
Предо мной лежит на войне.

Сто дорог пройти,
Сто миров пройти,
Всюду спрашивать: где же ты?
И в ночи глухой,
Путь окончив свой,
Не тебя, не тебя найти.

И Н ЗА

Инза... Инза... Я не знаю
Город это иль село.
Снегу — ни конца, ни краю,
Ставни, кровли занесло.

Небо грустно накрепилось...
Инза, Инза... звук родной!
Может, Лермонтову снилось
Это имя в час ночной.

Может, Инза, в дни иные
Я услышал о тебе,
И пророческие сны я
Видел о твоей судьбе.

Может, долей своенравной
Суждено здесь счастье мне,
Грусть ли песни стародавней
В стародавнем шушуне,—

Песни тихой, но упрямой,
Что ночей не будет спать,
Как подруга или мама..
У меня была ведь мать.

Или суждено, быть может,
Жизнь окончить в краткий миг
Мне в селеньи, что похоже
На невырвавшийся крик.

Пробираюсь к тёмной хате,
Сам себя не узнаю...
Инза... Инза... Так назвать бы
Можно милую свою.

* * *

Наши кони и мы притомились,
И, захав под вечер в село,
Для нощлега мы остановились...
Уж смеркалось, и солнце зашло.

Над снегами клонилися голо,
Цепеня, деревья во сне.
Мы подъехали к хате у школы,
Словно в гости к своей родне.

Там учительницы нас чаем
Угощали под пушечный гром,
А спросили б,— сказали: не знаем,
Что наутро случится с селом.

Незаметно погасло мерцанье,
И коптилка зажглась, засветив.
Патефон захрипел про свиданье
На забытый, далёкий мотив.

Не забыть этой ночи глубокой
И в сердцах затаившихся жар..
Нам на память вполголоса Блока
Батальонный читал комиссар.

Не забыть нам, как сказочно ново
Зазвучал лебединый язык
Тех чудесных бывальщин Лескова,
Что рассказывать друг мой привык.

Не забыть этой ночи тревожной
И звучащих вполголоса слов..
Темь окон, переулочок порожний,
Тишина затаённых углов.

На коня променявши двуколку,
Утомившийся за день в седле,
Так и Лермонтов ночь втихомолку
Коротал в тёмной хате в селе.

Не засну я в ночной глухомани,
Навалившейся тьмою вокруг,
И мне жаль, что страниц из «Тамани»
Наизусть не запомнил мой друг.

Брезжит утро. Разбужены воды,
Пюд снегами забили ключом,
И не спят у коней коноводы.
Канонада гудит над селом.

ИВАНГОРОД

Ветер, дождик, тьма слепая.
Орудийный дальний рык.
В грязных лужах утопая,
Проплывает грузовик.
Он скрежещет и грохочет,
Но итти вперед не хочет,—
Не привык или отвык.

Наша часть дорогой поздней
В то селенье доплелась,
Где водой иль солью слёзной
Хлябь разбухла, разлилась.
Хлещет, хлопает, плюётся,
На жильё людское льётся,—
Всё ушло по горло в грязь.

Танк у хаты погрязает.
Уж не немцы ли в селе?
Может, немцы,—кто их знает!
Стар и млад — в щелях, во мгле,
Спать бы, вытянуться слаще...
Но орудья бьют всё чаще.
Бой гудит по всей земле.

Нам на Гайсин — невозможно,
На Христиновку — нельзя.
Ночь промозгла и тревожна.
Мы бредём, в грязи скользя.
Спать да встать бы спозаранку.
Мне — в ночной дозор у танка.
Сменят в нужный час друзья.

Ведь и горше были прежде
Дни у каждого из нас.
Перечту стихи, в надежде,
Что скорей наступит час.
Между танком и стеною
Прислонюсь к стволу спиною,
Оглянусь во тьму не раз.

Вглядываюсь в дождь секущий,
Вслушиваюсь, в ночь и тьму.
Час — ни с места, проклятущий,
Нет и нет конца ему.
Вдруг — как бахнет, как разгоном
Затрясёт окно со звоном, —
И разверзлась ночь в дыму.

Что ж в ответ ты не ударишь,
Друг-товарищ боевой?
А в окно зовёт товарищ:
«Что случилось? Ты живой?»
Я-то жив, за танком стоя.
И опять за темнотою
Отклик слышен ветровой.

Ветер взвост, дождь ли хльнет...
Всё как будто и прошло.
Всё равно уж не остынет
То, что в памяти легло.

Но одно я знаю ныне:
Буду вновь на Украине,—
Заверну и в то село.

И опять у хаты встану,
Погляжу на дальний шлях.
Вспоминать не перестану,
Пережитое в боях.
Разузнаю, что осталось,
Что Ивангородом звалось,
А теперь проходит в снах.

НА ОСКОЛЕ

Евг. Долматовскому

Юноша в длинной солдатской шинели,
Друг в сапогах запыхлённых, разбитых,
Что же глаза твои так потускнели?
Где твои шутки, как смог ты забыть их?

Помню я: дым над пожарищем взвился,
Первым порывом гроза прогремела,—
Гостем из юности ты мне явился,
Крепкий, упрямый, отчаянно смелый.

Шёл ты, красуясь в шинели добротной,
Рта не кривило горячее горе.
Не попрощались мы бесповоротно
С теми, кого потеряли мы вскоре.

Битва едва завязалась на Збруче,
Близко, так близко от дома родного...
Вот мы и вспомним днепровские кручи
Здесь, у истока Донца голубого.

Вспомним счастливое время былое,
Юности сказочное озаренье.
Гроздья сирени цвели над Сулою,
Очи любимой сияли сиренью.

Я показал тебе ту Украину,
Где в тополях голубеет криница,
Даль голубину да синь тополину...
Пусть же она тебе снова приснится!

Пусть она снится тебе молодою,
Голову в синем венке поднимая.
Помнишь — как знал ты её пред бедою,
В лето недавнее, в месяце мае.

Тот, кто прошёл по осенней равнине,
Смятой снарядами, танками взрытой,
Сердце он отдал своё Украине,
Думой и песней навеки с ней слитый

Юноша, знаешь ты едкую горечь,
Ту, что покрыла меня сединою.
Сердцем прожитого не переспоришь
Жизнью зовётся, короче — войною.

Встретимся мы в приднепровских пределах,
Встретимся мы и со счастьем снова.
Вспомним друзей, на войне поседелых,
В память погибших найдём наше слово.

Что ж, и другие, наверно, помянут
Нас в тишине, если это придётся,
В прошлую даль дружелюбно заглянут,
Может, и слово о павших найдётся.

Пусть же истрёпаны наши шинели,
Глина и пыль сапоги нам покрыли,
Горем богатые, в грустном весельи,
Песню надежды подыдем на крылья.

ТОВАРИЩ

Два часа осенним утром
С тем товарищем я был.
Рядом на пароме утлом
Дон широкий переплыл.

Мы вдвоём прошли в печали
Вдоль курганов, над былъём.
И курили, и молчали,
И шутили — всё вдвоём.

Так в жару, по суховею,
Шли мы по степи немой.
Стал находкою моею
Тот товарищ новый мой.

Был он чем-то озабочен,
Скуп на смех, немного хмур.
Как и я — молчал не очень,
Как и я — не балагур.

От него жена и дочка
Месяцами ждут письма,
Как и я — он одиночка,
И влюблён, и без ума.

На войне и он немало
Вёрст отмерил фронтовых.
И, как я, носил две шпалы
На петлицах полевых.

Что прибавить? Может статься,
Это был бы друг вполне,
Но пришлось тогда расстаться
С человеком милым мне.

Мы упали у канавы,
Слыша в небе свист и звон.
Мы легли в степные травы,
Но лежать остался он:

И, склонясь над мёртвым телом,
Зашумел ковыль степной.
Он бы мог остаться целым,
Побратим недавний мой.

Дальше б мог идти со мною,
Вплоть до ночи — по пути.
И в разгар ночного боя
В штаб дивизии притти.

В пять минут он бы на славу
Дело справил в штабе том;
На донскую переправу
Плёлся б за полночь потом;

Мог бы он уснуть у танка
И во сне увидеть дочь.
И подняться спозаранку,
Проведя спокойно ночь.

Выпить чарку в поле чистом,
Чтоб прогнать ночные сны,

И показывать танкистам
Злые письма от жены:

Безрассудна и тревожна,
И нерадостна их речь.
И порвать их невозможно
И немислимо сберечь.

...Так стоял я с полминуты
С непокрытой головой,
Как степной ковыль, согнутый
Под волною ветровой.

Так, печаясь и тоскуя,
Шёл один путём крутым...
В ком теперь себя найду я,
Мой недавний побратим?

Ждёт меня ль у поворота
Гибель в дыме и в огне?
И другой узнает кто-то
Всю судьбу свою во мне.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Солдатское сердце застыло в пути,
Огонь из него высекает страданье,
И зреет суровое, злое молчанье.
Пощады и жалости в нём не найти.

Кто видел разграбленным город родной,
Побеги, погибшие в раннем расцвете,
Лишился последней надежды на свете
И ранней покрылся в боях сединой;

Кто давнюю цель, как святыню, сберёг,
Кто брёл по декабрьским пожарищам вьюжным
С тяжёлым отчаяньем в сердце недужном,
Кто пылью покрылся июльских дорог;

Кто воду днепровскую пил из горсти,
Кто смог по донским раскалённым долинам
Щепотку земли достояньем единым
В сухую приволжскую степь принести,—

Надолго запомнит он всё, что пришлось
Ему перечувствовать в дни нораженья:
Вкус горького хлеба и горькое жженье
Внезапных и не облегчающих слёз.

В степи мы встречали закат и восход,
Всю ночь самолёты трубили над нами,
И полнился давними, тихими снами
Горящий огнями седой небосвод.

Мы падали в поле и спали в пыли,
Рассветные травы над нами клонились,
Рыдания чайки звенели и бились
Над теми, кто больше не встанет с земли.

Шли грудью на танки фашистские мы
Во имя отчизны,— не в поисках славы.
Когда приходилось уйти с переправы,
Один оставался — один против тьмы.

Под брюхами танков, на глине сырой,
В разгаре сраженья, в окопе лежали,
Молчали и злобой одною дышали.
Дня по три не ели, не пили порой.

Когда нам зашли автоматчики в тыл,—
Гранатами мы пробивали дорогу;
В степи ковыли навевали тревогу,
И мраком ночной небосклон нас укрыл.

Сквозь дымные степи брели мы с тоской,
Скрывались в болотах и в чащах дремучих,
В боях потеряли товарищей лучших:
В трясине нашли они вечный покой.

Бессмертный ковыль трепетал и грустил,
На узких тропках, где бродили ночами,
Где радость свою, не разлучную с нами,
Оставили мы среди братских могил.

Зарыли и горе своё заодно,
А что зародилось в те горькие ночи,

Узнают враги, заглянувши нам в очи,—
Пощады фашистам не будет дано.

Но в каменном сердце есть вера одна:
Исполнится мера терпения мира,
Блеснёт над землёю возмездья секира,
И недруг за всё разочтётся сполна.

ОСЕНЬ НА ДОНУ

По холодным, мокрым травам
Долгу ночь и день-денской
По лугам и переправам
Ветер мается донской.

Он летит по-над полями,
Ни на миг не отдохнёт.
А откуда он над нами
Взялся,— кто ж его поймёт!

Может, в темень-непогоду
Отдохнуть хотел бы он,
Как казак, что из походу
Возвращается на Дон.

Может, ветер в час денницы,
Вставши на ноги чуть свет,
От казачки-молодицы
Казаку несёт привет.

Может, там на косогоре,
Слыща жалобу одну,
Материнское он горе
Расплескал бы на Дону.

Может, бой неукротимый
Не стихает день и ночь,
И не ветер — брат любимый
Брату кинулся помочь.

А быть может, в дальнем крае
Это милая моя
Всё ночей не спит, гадая,
Где теперь блуждаю я.

Оттого-то на рассвете
Легче дышишь в тишине,
Что раскрыл нам крылья ветер —
Нам двоим, тебе и мне.

Что давно уж нам обоим
Друг от друга писем нет,—
Только ветер перед боем
На крыле несёт привет.

Прилетел он ранним-рано,
Глядь,— и брызнула роса
На рассветные поляны.
На дремучие леса.

Вился, бился он и снова
Утомился, наземь лёг
И червонный лист кленовый
У моих оставил ног.

Тот листочек, может статься,
Мне прислала ты сама.
Видно, больше не дожидаться
Этой осенью письма.

И грустя и негодуя,
Остаётся верить мне.

Что судьбы не обойду я
Ни пешком, ни на коне.

Может, я и счастлив буду,
Как закончим мы войну,
Но до смерти не забуду
Ветер, осень на Дону.

ПЕСЕНКА

От Сана до Дона дорога лежит.
Рассёдланный конь по дороге бежит.
В пути все избиты, истёрты копыта,
А всё же не надо, не надо тужить.

С размётанной гривой летит вороной.
Никто не прервёт его скачки ночной,
Лишь девушка плачет о доле казачьей.
А всё же не надо, не надо тужить.

Суровые ночи, военные дни.
Казачьи очи — закрылись они.
Пылает над нами багровое пламя,
А всё же не надо, не надо тужить.

О, кровь на груди, на челе казака.
Давно он лежит, а трава высока.
Над ним только зори да месяц в дозоре.
А всё же не надо, не надо тужить.

Не надо, не надо, не надо тужить.
На свете останется девушка жить.
Да ветер в дороге, да сердце в тревоге,
Да слёз на ресницах жемчужная нить.

СНЕГ ЛЕТИТ

Снег летит и летит... Мы уже никогда не забудем,
Как на мёртвые лица ложится нетающий снег.
Кто останется жив, пусть расскажет по совести людям:
Отступленья в ту зиму не знал ни один человек.

Снег летит и летит... По суровому мнению потомства,
Мы от Сана до Дона прошли, и бесславен отход.
Пусть же вспомнят, что нас одолело врага вероломство —
С целым миром мы бились один-на-один в этот год.

Снег летит и летит... Мы недёшево жизнь отдавали
В той долине, где юность в осенней калине цвела.
В эти сёла глухие, в нагие кварталы развалин
Враг вошёл, попирая холодные наши тела.

Снег летит и летит... Всё равно, в сентябре иль в апреле,
Не видали мы дня, не вставало нам солнце во мгле.
Восемнадцатилетние, в час поседев, догорели.
Их горячая кровь — под ногами у, вас, на земле.

Снег летит и летит... Тяжелей умирать довелось им,
Чем отцам их, прожившим свой век ют войны до войны.
Чёрной каплей свинца иль гранатой, ударившей оземь,
Думы юные скошены, юные прерваны сны.

Снег летит и летит... Вместе с ними погибла навеки
Тайна первой любви, и ушли в эту мглу навсегда
Непройденные ими дороги, и горы, и реки,
В нерасцветших садах непостроенные города.

Снег летит и летит... А в степи, на холмах, на пригорках
Ни крестов, ни имён. Только хлопья седой пелены,
Словно горькая слава, совяются в стенаниях горьких.
Лучших лавров не надо безвестным героям войны.

Снег летит и летит... Мы идём по взметённому следу.
Что ни шаг, приближается час,—и рожок возвестит,—
И другие пойдут в наступленье, и вырвут победу,
И пробьются по нашим могилам, сквозь снег, что летит.

* * *

Светает. Пушки вновь гремят
Злой музыкой над головою.
Снаряды выкосили сад,
Где подрастали мы с тобою.
Не надо! Не гляди назад, —
Звучит приказом голос боя.

Кто к берегам идёт родным,
Того остановить не сможет
Ни сталь, ни взрывов чёрный дым,
Ни танков гром, ни бездорожье.
Так с гневом праведным твоим
Моей любви тревога схожа.

Вон самолёты в вышине,
И голуби в дыму летают,
И вербы в грустной тишине
Над прудом головы склоняют —
О материнской седине
Сынам-бойцам напоминают.

Как из глубин земли родной,
Что кормит нас и нас лелеет,
Как жаркий уголь под золой
Вновь вспыхивает и не тлеет,
Из муки прожитой былой
Сама собою сила зреет.

Лежим. Огонь, и дым, и стон.
Мир жизни радостной — за нами,
И танков грохот разъярён
Над голубыми берегами,
Где детство, словно звёздный сон,
Всплывает вновь перед глазами.

Мы не оглянемся назад,
На пламень грозового боя,
Мы возвратимся в тихий сад,
Где выростали мы с тобою,—
Пусть пушки музыкой гремят,
Гремят грозой над головою.

* * *

К станции чужой, незнакомой,
Как остров темневшей вдали
Рвались, будто к отчему дому,
И что в ней с тобою нашли?

Руины. Руины. Руины.
Морозная полночь темна.
Остатки обугленной глины...
Нет ни потолка, ни окна.

Не надо нам кровли, постели...
Не радость нас вышла встречать.
Давай, завернёмся в шинели,
Придётся уж так почевать.

А может, в развалинах хаты,
Что так нам напомнила дом,
Задумавшиеся солдаты,
Мы сядем в кружок над костром.

Огонь на полу мы раздули,
Озябшие греем тела,
И руки по-братски сомкнули
Над счастьем скупого тепла.

Смежает ресницы товарищ —
Задумался иль задремал?
Что вспомнил он? Пепел пожарищ,
В краю, где ребёнком гулял?!

Пусть верная кровь проливалась
На дальних дорогах войны,
Пусть нам только небо осталось
Да эти четыре стены.

А нам-то и нужно немного —
Чтоб сны наши злые сбылись!
Вся наша печаль и тревога,
Все думы на этом сошлись.

Восток розовеет. Уходит,
Расходится дым над костром.
Недолог наш отдых в походе...
Вставай-ка, дружище, — идём!

* * *

И холод и голод я близко знавал,
Не спал я в седле по ночам,
Сквозь темень к селеньям любимым скакал,
К родным своим рубежам.

Навстречу мне плыли нагие поля,
Рвались, бушевали ветра,
Изрытая танками наша земля
Лежала безмолвна, мертва.

Где сёла сняли в весёлом тепле,
Где зрели под солнцем сады,—
Лишь трупы лежали, да в чёрной золе
Зияли пожарищ следы.

И кровью чернела речная вода,
Багрянцем просторы цвели,
Как будто железным копытом орда
Изранила тело земли.

Того, что я видел, снести я не смог:
Я видел в ярме мой народ.
И пепел пожарищ и камни дорог
Кричали: «На запад! Вперёд!»

Слеза на глазах леденела, горька,
И гневом зажётся мой взгляд,
Тогда я поклялся на стали клинка:
«На запад! Ни шагу назад!»

Пусть встречу беду иль с коня упаду
В репейник, в болотную муть,—
Свинцом проложу я дорогу. Пройду,
На запад, на запад мой путь!

МЁРТВЫЙ НЕМЕЦ

Немец в серо-голубой шинели,—
Тот, кто дом и мир твой растоптал,—
Поперёк пути, среди метели,
Пулею подкошенный, упал.

Он лежит в холодной красной луже,
Леденя с головы до ног.
В этот зимний день, седой от стужи,
Кроме этой, нет тебе дорог.

Отдыхать тебе ещё не время.
Сумрак ледяной бугры укрыл.
Может, этот чёрный, волчье семя,
Мать или жену твою убил.

Он лежит, смотря стеклянным взглядом,
Победитель десяти держав.
Ты его прикончил,— так и надо,
Чтобы он поверженный лежал.

Ночь придёт. Степной бурац косматый
Вылетит в отчаянную тьму.
Будет волк трубить над волчьим братом,
Разорвав клыками грудь ему.

Злое вороньё в пустых просторах
Будет хлопать крыльями во мгле.
Он тебе и после смерти враг,—
Мёртвый немец на твоей земле.

Злодеяния его не смыты.
В гневе сокрушающем своём
Через труп его перешагни ты
На пути в свой опалённый дом.

* * *

Ночь... По Старому Осколу
Я со станции иду...
На деревьях ветви голы
Возле станции в саду.

В небе луч не погасает,
Даль вокруг темным-темна,
А весна и знать не знает,
Что в полях не спит война;

Что над тёмной целиною,
Сжав оружие, вперёд,
Вслед за счастьем, за весною
Вновь бойцы идут в поход;

Что один свалился в поле
Близ родимого села
И рука помимо воли
Нежно землю обняла.

Спит он, строгий, безмятежный,
Ни тоски, ни горьких слёз,
А меж пальцами подснежник
Первый, маленький пророс.

ЖУРАВЛИ

Всю эту ночь не спать мне напролёт!
Ревёт, гудит в весенних реках лёд.
Весенний ветер мчится надо мною.
Всё в отблесках и в пламени вокруг.
Шумит вода и заливаает луг.
Река набрякла бурей и весною.
В пролётах туч над влагою долины
трубит незримый журавлиный клин.
И журавлиному подобно клину,
подобно ветру ледяной весны,—
на родину мою несутся сны,
несётся песнь моя на Украину!

В рассветный час и в темноте почей
несётся с журавлями — всё звончей —
над сёлами, над голыми садами,
над спутанными жилами дорог,
над балками, где рыхлый снег залёг,
над взорванными чёрными мостами,
над рельсами проносится она,
и крыл свернуть тяжёлых не вольна,
и сна не знает, и несёт кручину,
и дум моих ночных суровый дар,
и зоркость глаз, и сердца тайный жар —
всё, всё несёт туда, на Украину!
В ту осень попрощались мы с тобой,
с твоею степью, с далью голубой,
осталась ты далёко, за холмами,

и шли мы на восток, а журавли
неслись на юг, курлыча издали,
как будто шла надежда рядом с нами.
И верил я, что в первый день весны
вернёмся мы с далёкой стороны
и обретём не чёрную руину,
а всю красу нетленную твою,
что в громовых раскатах и в бою
вернёмся мы домой, на Украину!

Ударим крыльями! Пришёл наш час.
Там гнёзда ждут обугленные нас,
расхищенные ветром пепелища.
Там мы найдём отраду и покой...
Уже кипит на Украине бой
за города родные и жилища,
за каждый шаг по вспаханной земле,
за землю ту кровавую во мгле,
за кровь друзей, пролитую безвинно.
Винтовки сжав, идут бойцы твои,
Восток и Север ринулись в бой,
навстречу журавлям — на Украину.

Сечёт нас вьюга, пепелит гроза,
слепит нам воспалённые глаза
огонь и гарь пожарищ непогасших.
И может статься, в завтрашнем бою
за братьев сложит голову свою
и рухнет не один из братьев наших.
Уже весна дохнула из пурги,
уже не в силах лютые враги
пресечь поток, что хлынул на плотину...
Трубит летящий в тучах самолёт,
железный клин врубается вперёд —
на Украину, друг, на Украину!

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

Тишина... По умолкшим полям и ночным переправам
Ходит шагом неслышным в холодном раздумьи весна.
Звёзды спят, привалившись к седым, подмороженным травам,
Не шелохнет камыш, не дохнёт ветерком тишина.
Дремлют пушки во рвах, притаились в кустарнике танки,
Пулемёт в амбразуре заснул и не дышит во сне,
Спят огни, блиндажи, захолустные спят полустанки,
Артиллерией скошенный лес и поля — в тишине.
Самолёты умолкнут в таинственной мгле расстоянья,
И ракета сверкнёт, и не веришь — была ли она...
Спят вода и земля. Тихо, словно в капун мирозданья,
Только в чёрном окопе солдатской душе не до сна.

Тишина... Наплывают из тьмы на солдатские очи
Все развилки дорог, верстовые косые столбы,
Все, кто сгинул бесследно, все те, кто в июньские ночи
Шёл бок о бок, все люди живой или мёртвой судьбы.
Он идёт через память, как огненный брод переходит...
Ветер пулями свищет. Свинцовый гудит листопад,
И, ломясь сквозь буран, он счастливую долю находит,
По старинным дорогам весной возвращаться назад.
Наше горькое счастье — на выжженных дочиства пивах,
Пусть горячею кровью они окроплятся сполна.
Спят яры и холмы. Дремлют искры в холодных огнивах.
Только в чёрном окопе солдатской душе не до сна.

Тишина... Месяц вышел в дозор, пробираясь от тучи до тучи.
Как объятья, на тысячу вёрст всё открыто вокруг.
Сад бы время садить. Землю резать железом могучим —
Рукоятки плугов ждут солдатских задымленных рук.
Одинокая молит земля, чтобы сеятель шёл бороздою,
Содрогается жадное лоно её и во сне,
Всем дыханьем земным, всей святою печалью земною
Отвечает простор истомлённой и ждущей весне.
Меркнет в небе звезда... Я хочу, чтобы всё возвратилось.
Перед тем, что сберёт, будет сердце стоять, как стена.
Спят леса и пруды. Мать лицом к колыбели склонилась.
Только в чёрном окопе солдатской душе не до сна.

Тишина... Пушкари в темноте подошли к батарее.
В танк садятся танкисты. Мотор ещё спит. Тишина...
За холмами пехота лежит... Начинать бы (скорее!
Затаивши дыханье, вдоль фронта проходит весна...
Две ракеты уже в рассветающем небе сгорают
И выводят грозу за собой в пробуждённую даль.
Кто хоть раз начинал, тем припомнится, как начинают,
Как от сна пробуждаются порох, солдаты и сталь.
Жарко вспыхнул восток. Тень ночная бежит перед нами,
И открылась глазам беспредельная голубизна,
Над простором весны, над лесами, лугами, полями —
Солнце смотрит в окоп, где солдатской душе не до сна.

ДОРОГА К ДОМУ

С передовых дорогою степною
Мы к городу внезапно подошли.
В туманной дымке, в сказочном покое
Пред нами он явился вдруг вдали.
Меж двух холмов округлых и покатых
Лежал он тихо, как дитя во сне.
В цветущих яблонях и ароматах
Весь обращённый к жизни и к весне.
Дома в садах издалика белели!
И веяли таким живым теплом,
Что бодрость разлилась в усталом теле,
Как будто мы пришли в родимый дом.
О долгий, дальний путь к родному дому,
Когда же ты окончишься для нас?
По лунному сиянью голубому
Вошли мы в город в полуночный час.

Всё, что манило издали красою,
Белело, серебрилось и цвело,
Всё, что блестело, искрилось росой,
Сверкало ослепительно светло,—
Ужасной явью встало перед нами,
Когда за тучей месяц вдруг погас...
Развалинами, тягостными снами

Пустыня улиц обступила нас.
Холодный пепел и цвет яблонь белых,
Как странный снег неведомых миров,
Кружился средь развалин обгорелых
И у порогов падал в тёмный ров.
О дальний, долгий путь к родному дому,
Тебя какие вьюги замели?
По лунному сиянью голубому
Сквозь город вымерший мы дальше шли.

Вот улица, где детворой весёлой
Играли мы... Разрушены дома...
Ни кровель, ни дверей... Нет больше школы
Повсюду разрушенье, ужас, тьма...
У этого окна в кустах сирени
Другую майскую мы помним ночь,
Но нас теперь встречают только тени,
И мы тоски не в силах превозмочь.
Вот этим бережком мы шли с работы...
Труба упала, запрудив ручей...
И к торлу комом подступает что-то,
И нам не подавить тоски своей,—
Мы знаем: на пути к родному дому
Лежат лишь кучи глины и золы...
По лунному сиянью голубому
По мёртвым улицам мы шли средь мглы.

Пусть гаснет месяц в небе молчаливом,
Пускай во тьме лежит моя земля,
Пусть ранняя весна бурлит разливом,
Души солдатской не развеселя.
Как пахнут тяжело цветы и травы!
Не спи, солдат, и отдыха не знай!
Отравлен воздух чумною отравой,
Покуда топчет враг родной твой край.
Не спи, солдат... Ты видишь,—не тебе ли

Зарницей замигал ночной зенит.
И мир лежит, как будто в колыбели,
Где будущее счастье наше спит.
Оно проснётся от удара грома,
Расколет тучу молнии клинок.
О дальний, долгий путь к родному дому,
Уже не так, как прежде, ты далёк!

ПУШКАРИ

Пахнет утренней гарью в степях.
Трубка в стиснутых крепко зубах.
Лейтенант поднимается. В скрежете стали
Танки вздыбились там, на соседнем увале,
На пожухлой траве на полях.

Всё как вымерло, в дымке зари.
До холмов на версту — пустыри;
За дорогою мир тихим сном почивает;
Лейтенант батарею на бой поднимает;
К пушкам стали бойцы-пушкари.

Затянулся пахучим дымком,
Двадцать танков пред ним над холмом...
Возле сердца почуяв дыхание бури,
Поглядел на бойцов, еле веки прищуря:
— Просят грома? Раскатим им гром.

Прозвенели шмели... Эй, не тронь!
Загудела окрестная сонь.
Танки в нашу долину опускаются круто,
Лейтенант затянулся и в ту же минуту
С дымом выдохнул глухо... «Огонь!»

Ты про ад не слышал никогда?
Кровь бежит по степи, как вода.
Лейтенант от орудия ходит к орудью,
Трубка гаснет. Он дышит стеснённою грудью:
— Эй, поддай, пушкари, эй, поддай!

Жарь, пушкарь! Даёй побольше огня!
Гром гремит. Раскалилась броня.
Подаются фашисты -- не двое, не трое.
Восемь танков скирдами горят под горою.
Чёрный дым среди белого дня.

Пал наводчик, правильный упал.
Лейтенант у орудия стал,
Шесть бойцов и ефрейтор остались с ним рядом.
Но такого гремучего жаркого ада
Свет, с тех пор как стоит, не видал.

Как свинцом налитая рука
В трубку сыплет щепоть табака.
— Перевязку? Что ж, кровью мы степь напоили,
Но зато батареею мы не осрамили.
Дай, ефрейтор, скорей огонька!

СОЛДАТ

Солдат!

Солдат!

Сам чорт ему не брат!
Пойдёт он в пекло, в самый ад,
живым воротится назад,
на то он и солдат!
О чём ты думаешь, солдат,
когда орудья бьют,
какие песни, думы, сны
перед тобой встают?

Есть у солдата мать. В бою
я вспоминаю мать мою,
и ту седую даль,
и дни забытые, и час,
когда луч юности погас,—
как жаль его, как жаль!
И тот холодный мрак ночной,
когда из дома шёл я в бой,
и взгляд мой был, как сталь!

Солдат!

Солдат!

Сам чорт ему не брат!

Пойдёт он в пекло, в самый ад,
живым воротится назад,
на то он и солдат!
О чём ты думаешь, солдат?
Рёв самолёта дик,
и содрогается земля
от взрывов каждый миг..

Солдата ждёт жена. В бою
припомню я жену мою,
и ту седую даль,
и дни забытые, и час,
когда любовь связала нас,—
как жаль её, как жаль!
Её улыбку, красоту,
и молодую поступь ту
упругую, как сталь!

Солдат!

Солдат!

Сам черт ему не брат!
Пойдёт он в пекло, в самый ад,
живым воротится назад,
на то он и солдат!
О чём ты думаешь, солдат,
Ложишься ли, встаёшь?
В ночи иль на заре, когда
в атаку ты идёшь?

Солдата дети ждут. В бою
в них защищаю кровь свою
и ту седую даль,
и дни забытые, и час,
когда, искрясь, мой свет не гас,—
как жаль его, как жаль!
и тот, и тот грядущий миг,

детей счастливый смех и крик,
что прозвенит, как сталь!

Солдат!

Солдат!

Сам чорт ему не брат!
Пойдёт он в пекло, в самый ад,
живым воротится назад,
на то он и солдат!

О чём ты думаешь, солдат?

О том, что я солдат.

И если слово дал солдат,
он не возьмёт назад.

Судьба солдата ждёт. В бою
он побеждает смерть свою.

Он светлой видит даль,
где воскресает радость в нас —
за этот день, за этот час
и жизнь отдать не жаль!

Солдата сердце и душа
отчизне служат не греша,
они верны, как сталь.

Солдат!

Солдат!

Сам чорт ему не брат!
Пойдёт он в пекло, в самый ад,
живым воротится назад,
на то он и солдат!

САПЁР И СМЕРТЬ

Сапёр, он держит смерть в руках,
он с нею в спор вступает:
как видно, о других делах
он нынче забывает.

Он ходит по полю один,
где в шахматном порядке
расставлено две сотни мин
сомнительной повадки.

С ним смерть заводит разговор
такого направленья:
— Сыграем в шахматы, сапёр,
но бойся поражения!

— Давай! — сапёр немолодой
ей говорит, — я знаю:
на смерть играть обычай твой,
а я на жизнь играю!

Хоть смерть грозит со всех сторон,
но и сапёр в ударе:
себя по клеткам движет он,
вокруг руками шаря.

И смерть готова плутовством
решить судьбу солдата.
Сменяется орудий гром
стрельбой из автомата.

Сапёр ползёт, ползёт солдат,
игрой захвачен ярой,
на всё, чем только он богат.
играя с ведьмой старой.

И ставит он на этот свет,—
на всю семью играя,
на всю весну, которой нет
конца, границ и края,

На эти птичьи голоса
над этими ярами,
на тех, кто через полчаса
пойдёт его путями.

Он честно выиграл... ну, что ж,
попробуем вторую.
Лишь зная цель, вперёд идёшь,
самим собой рискуя.

Сапёр — он держит смерть в руках,
пути он расчищает...
И вот по шахматной доске
пехота наступает.

ТРУБКА

Закурим трубку, чорт возьми!
Летят бомбить опять.
Зенитка бьёт. Ну, что ж, греми —
Нам всё равно не спать...

Два года, день и ночь подряд, —
Кто умер, тот не в счёт, —
Кривую трубочку солдат
Задумчиво грызёт.

От лютого огня в бою
Он трубку прикурил,
Любовь и молодость свою
Он на неё сменил.

Вишнёвый тёплый корешок,
Заветный кремешок,
И жар такой, как в трубке той,
Не каждый уберёт...

Закурим трубку. Поплывёт,
Совьётся дым в кольцо.
Опять за дымкой оживёт
Любимое лицо.

Мы потолкуем о любви, —
Жар в трубке не погас, —
О грусти, о земле в крови,
Тоскующей о нас.

О том, что вспомнить мы могли
С собой наедине..
О смехе, что звенит вдали
Теперь — увы! — не мне.

Набьём же трубку, и тогда
Тяни, солдат, до дна!
Плывет дымок, и нет следа.
Не жаль... на то война...

Не жаль... Кто это говорит?
Не жаль? — Забыть не мог!
Не жаль (как трубка догорит —
Растает, как дымок).

Что ж, если так, пусть будет так! —
На что, солдат, война..
Закурим трубку. Что за знак,
Что гаснет вновь она?

Коль жар погас — забыли вас,
Не думают давно:
Как шло оно, как жгло оно,
Бродило, как вино...

Ну, что же! Надо закурить,
Чтоб дым синел и гас,
Хоть та, которой не забыть,
Не думает о нас.

Пусть остаются от огней
Лишь песни да тоска,

Да пепел в трубочке твоей,
Да запах табака..

Закурим трубку, чорт возьми!
Чегят бомбить опять.
Зенитка бьёт. Ну, что ж, греми —
Нам всё равно не спать..

СТАРЫЙ ФОТОГРАФ

В забытые ныне годы
Забрёл я в город Лубны,
Жил там старый фотограф
Им думы мои полны.

Он снял меня как-то, вместе
С любимой моей, как смог,
Уж так-то мы непохожи —
Пускай простит ему бог.

Зато он очень старался
И долго смотрел в аппара
Зато в ателье его бедном
Цвет нарисованный сад..

Шумел он, не увядая,
Качался на полотне,
Теперь в моих снах тревожных
Он часто видится мне.

И я, молодой и счастливый,
В снящемся мне саду,
С моей любимой рядом,
Забытой дорожкой иду.

Давно потерян тот снимок
А я б хотел, заплатив
Какую угодно цену,
Добыть хотя б негатив.

Я б карточку напечатал...
Нежданны пути войны,—
И вышло так, что случайно
Я снова забрёл в Лубны.

Фотографа немцы убили.
Пропал его аппарат,
Стоит в ателье слинявший
Наш нарисованный сад.

И что-то ещё пропало...
Как называлось оно,
Что встарь бушевало, пело
И пенилось, как вино?

Минуты ль юности милой,
Иль счастье, что прочь бежит.
В зловещей глухой могиле
Старый фотограф лежит.

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА

Любишь или разлюбила,
не пиши мне, строк не трать, —
сколько б почта ни спешила,
быстрой почту не назвать!

Цензор медленно читает,
долго ставят штемпеля,
долго твой конверт блуждает
там, где вся в крови земля.

Грузовик во мгле осенней
долго рыскать принуждён,
в поисках соединений
долго бродит почтальон.

Но проходит срок, и милый
иль немилый развернёт
твой листок небыстрокрылый
и его с трудом прочтёт.

Стёрся адрес, как нарочно,
чтоб не знать, куда писать,
фраз твоих, и так неточных,
почерка не разобрать.

Буря снежная стонала,
стоном разрывая тишь.
В зимний день ты мне писала,
что ты любишь и грустишь.

А теперь июнь воздушный,
светлосиний, голубой,
блещет небо равнодушно
всей прозрачной синевой.

А теперь в разгаре лето,
и, покамест почта шла,
ты, не получив ответа,
дважды разлюбить могла.

Почта шутит... ну и ладно!
Вся земля, весь шар земной
так беседуют нескладно,
а не только мы с тобой.

Хоть солдат не доверяет
почте медленной весьма,
жизнь свою он измеряет
от письма и до письма.

Он письмом любимым дышит,
лишь одна за ним вина:
сам он слишком редко пишет,
что поделаешь — война!

Если он напишет всё же, —
всю печаль отдаст письму,
и вину вторую тоже
надо отпустить ему.

Ведь — достойный извиненья —
повторяет, как сквозь сон,

даже в смертное мгновенье
дорогое имя он.

Та секунда адресату
скажет явственной ещё,
как хотелось жить солдату,
как любил он горячо.

Письма же — счастливый случай,
им ли новое сказать!
Он писал живым, и лучше
меж живых его считать!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Лишь вечером мы добрались до леса,
Где раньше штаб над озером стоял,
Но никого уже там не застали —
Дивизия продвинулась вперёд,
И только два или три телефониста
Ещё сидели в блиндаже штабном,
Покрикивая в трубку: «Сокол! Сокол!
Да отвечайте, Сокол!» Лес шумел,
Чернел и надвигался тёмной чащей,
Как будто сразу погружаясь в ночь
Без переходов; так в полубреду
Большой впадает вдруг в тревожный сон.
И на ночь мы вошли в блиндаж порожний
В нём печь железная ещё горела,
И свет её скользил по ржавым листьям,
По прошлогодним листьям великанов
Дубов, — теперь их снова наряжала
В наряд зелёный поздняя весна.
За лесом тяжело грохотали пушки,
Земля тряслась, и сверху, с перекрытий,
Кора сухая падала на лица
При каждом выстреле... А лес шумел,
И тьма стояла прямо перед входом,

Как будто автоматчик-часовой
У блиндажа.. Я в этот день увидел
Село, что мы очистили от немцев.
Стояли на холме руины школы,
И хаты, все без крыш, вокруг толпились.
Как сакли обгорелые, и грудой
Разбитые валялись кирпичи,
Да кучи чёрные золы дымились.
Несли машины, поднимая пыль.
Обозы дальше двигались на запад,
И выходили женщины с детьми
Из погребов, где прожили всю зиму,
Питаясь мёрзлой свёклою, картошкой,
Не смея заглянуть в родную хату,
Что немцы для жилья себе забрали.
И женщины стояли у колодца.
Я попросил воды — и вмиг нагнулся
Журавль скрипучий, воду зачерпнула
И поднялась бадья, и, наклонясь,
Хотел напиться я и вдруг увидел
Петлю на коромысле журавля.
Она качалась прямо надо мною.
И тихо молвила одна из женщин:
— Тут вешали людей..

И я узнал,
Что эта женщина была женой
Уже немолодого партизана.
Двух ребятишек на руках держа,
Она смотрела издали, как немец
На шею мужа вдруг петлю накиннул
И как другие грузно навалились
На журавель. Три дня висел он тут,
Три дня она у ног его стояла,
Три дня она молилась, проклинала,
Лишь на четвёртый день ей тело мужа
Для погребенья палачи отдали.

Из блиндажа я вышел. Меж деревьев
Сняли звёзды чисто и спокойно.
Я знал уже, что не смогу заснуть —
Всё, чем я жил, что чувствовал, что видел,
Вокруг меня вставало наяву
И мне уснуть, забыться не давало.
А в трубку всё кричал телефонист:
«Да отвечайте, Сокол!»— Только зуммер
В ответ жужжал..

И тут я вспомнил
Бойца, которого сжигали немцы,
Облив бензином.. Он лежал у хаты,
Обугленными пальцами закрыв
Своё лицо. Огонь, как головню,
Обуглил голову и тело, выжег
Глаза и пощадил одни ботинки
Тяжёлые да чёрные обмотки.
Сын неизвестный родины моей,
Пускай остудит сон могилы братской
Твою нечеловеческую боль.
Вслед за тобой идут бойцы на запад
И месть священную несут в сердцах.

А рядом женщина всё голосила.
Я подошёл. Там посреди двора
Спокойно обмывали чьё-то тело,
И я узнал, что это муж её,
Расстрелянный немецким офицером
За то, что, усмехаясь, он стоял
И слушал, как гремели наши пушки,
Когда мы наступали на село.

А на дворе соседнем свежевали
Корову — миною её убило.
Одна из женщин тоже голосила,

Что свет померк, что близится беда,
Что пòмиру теперь пойти придётся
С ребятами...

И грозно лес шумел,
Как перед бурей. Близился рассвет,
И звонкой трелью первый соловей
Ударил вдруг в серебряное нёбо,
И вслед за ним отозвались другие
Над озером, над лугом и в лесу.
На золотом и солнечном востоке
Темнели очергания деревьев,
Как будто вкованные в щит небес
Серебряной чёрнёною резьбою.
Гремели пушки, пели соловьи,
Такой чудесной песней заливаясь,
Что даже гул сражения смолкал,
И к песне жизни мёртвое железо
Прислушивалось...

Жизнь! Жизнь!
Великое волнующее слово!
И сколько горькой радости и муки
Жестокой в нём...

Спокойствие и грусть
Опять повеяли в моей душе,
Как будто бы всегда я был солдатом,
К опасностям привыкший...

Тут я вспомнил,
Что день рожденья моего сегодня,
Что поздняя весна моя прошла.
Я этот день привык встречать с друзьями.
Кто знает, где и как я с ними встречусь,
И часто вспоминают ли меня
Они в тревогах боевых, как я
В лесу сейчас их вспомнил на рассвете,—
В тот миг пророческий, когда я понял,
Наученный бессонной тяжкой ночью,

Что в жизни у людей есть час заветный,
Когда они рождаются вторично.
Так родился я снова в эту ночь —
Для мщенья и борьбы...

* * *

Вернулись аисты с чужбины,
Кружась, тоскуют над селом
Чужие реки и долины
Остались где-то за крылом.

А край, куда летели птицы,
Где жить велело сердце им,
Где были мирные станицы,
Лежит пожарищем седым.

И дым ещё ползёт травой,
Ломают ветры грудь с трудом,
А люди снова над золою,
На том же месте строят дом.

Их позвала и разбудила
И привела на прежний след
Весны тревожащая сила,
Родящая из мрака свет.

Здесь будет мир бывшего тише,
Недаром птиц влекло сюда
Над недостроенною крышей
Устройство нового гнезда.

ЗЕЛЁНЫЙ ДОМ

I

Под кровлей зелёного дома
Есть радость, что вам незнакома:
Цветы, что не вовсе завяли.
Осенние тихие дали
Навстречу рассвету раскрыты...
Беседуя с рощей шумливой,
С межою, бегущей средь жита,
Слезами дождей молчаливых,—
Иду я из города в поле,
О, как ты печально, раздолье!
Горят в серебристом тумане
Осенние рдяные ткани.
Свинцовые сизые лужи,
Все в ряби от утренней стужи,
В холодной воде отразили
Берёз опалённые крылья.
Проносится клин журавлиный
Под тучей над рощей унылой.
О близкий до боли, единый
Мой мир, затуманенный, милый!
Вот падает лист и кружится,
А там в колею он ложится,

Блеснув угольком неостылым.
Минута—и нет его пыла,
И пламень и золото гаснет,
Как гаснут в душе ежечасно
Надежды — жестоки, напрасны,
Как гаснет короткое счастье.
О ветер, плыви надо мною,
Не дай мне ни сна, ни покою,
Не дай мне забыться в безволе,
Не дай разлюбить это поле,
Увявшие стебли душицы,
И мокрую эту дорогу,
И грозные эти зарницы,
И вечную грусть и тревогу.

II

...И август ведёт меня дальше. Вот он, зелёный дом,
Деревья гудят надо мною, травы зовут: идём!

И дятел железным клювом стучит по старой сосне.
О чём-то журчит-бормочет ручей говорливый мне.

Быть может, он что-то знает, быть может, ты здесь была,
Из этого родника ты, припавши к воде, пила.

Я стал над водой — мне руку протягивает сосна...
Солдат, бородой обросший, взглянул на меня со дна.

Шинель на нём не по росту, то ль ржавчина, то ли кровь.
И он искать тебя тоже пришёл под зелёный кров.

Подходит к воде студёной, спрашивает у сосны:
Быть может, хоть дятел знает, какие ты видишь сны.

А дятел долбит: не знаю! — Не слышал,— журчит ручей,
Сосна совсем позабыла о той, кто в душе моей.

Всё тихо. Лишь ветер колышет тучку в небе немом,
Глядит без тебя пустыней осенний зелёный дом.

III

Приди ко мне сюда, в зелёный дом!
Я стосковался о тепле твоём.
Я жду тебя не первый день сегодня,
Синеют небеса над гладью водной,
На берегу дубы, как встарь, сошлись,
Ждут и они тебя... Тревожна высь.
Они всю ночь качали головами,—
Шептались про тебя, шурша ветвями.
Нам не принёс покоя утра блеск.
Как трепетал в немой тревоге лес!
Как нежно с ветром травы говорили!
Что ж ты нейдёшь? Давно уж тени скрыли
Подножья, склоны наших гор крутых.
Вон мчится стайка тучек золотых,
Гонцов, давно не знающих покоя —
То я их посылаю за тобою.
Свою шинель я бросил на траву,
Вон муравей ползёт по рукаву,
И горлинка воркует и хлопочет...
О чём она тебе поведать хочет?
О голубе, что канул, улетев,
О том, как одинок ночной напев?
О том, что век живёт, не умирая,
О небе в звёздах, без конца и края...
Дубы шумят. Темнеет небосвод,
И лес и воды шепчут: не придёт...
Не жди её. Всё это понапрасну.
И плачет сердце, плачет день ненастный.

Нет ни конца, ни краю
Молодости моей.
Поверьте, теперь я знаю,
Чего никогда не знал.

Я видел, как на рассвете
Бой гремит всё сильнее,
За грозным пушечным рёвом
Я шорох травы слышал..

В последний мой час на свете
Приду я в зелёный дом,
Лесам поклонюсь сосновым,
Дождям, соловьям, садам,

Своим позабытым песням,
Звёздам в небе ночном,
И ветру я молодую
Душу мою отдам.

Пускай в простор поднебесья
Он понесёт её..
Уж если навек уйду я,
С землей моей разлучусь,—

Пускай я песнею стану,
Журчащей речной струей,
Дождём прольюсь на поляну
И в птичий крик воплощусь.

* * *

Помнишь ли, как в небе над Москвою
Дивный луч томился и не гас.
Вечер мглой баюкал голубою
Первой нашей встречи краткий час.

Говор замер, и заглохли звуки,
Стихли песни старые в ночи,
Молча мы брели, скрестивши руки,
Как скрестились в вышине лучи.

Не моей, не познанной до края,
Лишь таимой, словно в горле крик,
Поклонился я в дверях трамвая
В этот первый и последний миг.

Я видел, стоя на площадке,
В отсветах неяркого огня,
Как рукою в тоненькой перчатке
В путь благословляла ты меня.

Может, есть неведомая сила,
Ею отвращается беда,—
Слёзы тех, кого душа забыла,
Сердце разлюбило навсегда.

Может, те, кого мы не любили,
Смерть неволят в сторону свернуть —
Пушки бьют. Лучи давно застыли,
Снеговой, метельный вьётся путь.

С поднятою, словно щит, рукою
Стой, царица, в дальней стороне,
Чтобы в гуще яростного боя
Быть надеждой и защитой мне.

* * *

Ни припомнить дорогою длинной,
Ни тебя позабыть я не мог.
Шли орудья, двуколки, машины,
Падал, сеялся колкий снежок.

И, затерян средь облачной хмури,
Над полями во мгле снеговой —
Лоскуток драгоценной лазури
Издали нам блистал синевой.

Мне казалось: до ночи проблещет
Он с далёких угрюмых высот...
Одиночества призрак зловещий,
Словно пули, меня обойдёт.

Только туча его погасила,
И пропал он среди темноты,
Будто светлой и не было силы,
За которой мне чудилась ты.

Пушки тянутся в темень глухую,
Всё, чем жил я, сгубил — не сберёг,
И припомнить уж то не могу я,
Что забыть до сегодня не мог.

СНОВА В КУЗЕМИНЕ

Вновь шумят возле школы берёзы.
Снова тени бегут по стене...
Было это иль не было,— грёзы
Светлой явью привиделись мне.

Я бессонной тоске не перечу,
По немым закоулкам бреду...
Жду и верю, что вновь тебя встречу,
Лебединый твой голос найду.

Жду и знаю, что сумерек тени
Не сумеют меня обмануть.
Мрак да листья берёзы осенней
Застылают далёкий мой путь.

Где тот дом? Это только руины,
Пни, что стали черны от огня.
И горелым дыханием глины
Прошлый мир мой дохнул на меня.

Пепел... Гарь... Уж и то нам отрада!
Есть чем вспомнить бывшее житьё!
Затянись же дымком самосада —
Вот солдатское счастье твоё.

* * *

Когда б ты голубкой была,
Проворной, живой, легкокрылой.
Ты чудным движеньем крыла
Меня бы покоя лишила.

И вот на земле я стою
Мальчишкою под голубятней,
Который голубку свою
Пускает в простор необъятный.

И сердце горит, и болит,
И коет в тревожном смятеньи,
А синее небо молчит
В холодном предостереженьи.

Плеснула крылом — и исчез
Твой след в голубеющей бездне.
Вернёшься ли в руки с небес?
Иль без вести тотчас исчезнешь?

Земля ожидания полна..
Цветёт поднебесье калиной,
А стая вдали чуть видна,
Уходит в простор голубиный.

Кружит над тобой и зовёт
И вот уж воркует победно,
Свободным движеньем плывёт,
С тобой исчезает бесследно.

Могла б ты на светлом крыле
Нести моё сердце слепое?
...А мальчик стоит на земле
И плачет, не зная покоя.

Ждёшь меня иль не ждёшь — я в далёкой дороге сегодня.
Тучи низко висят. Чёрный снег на траве прошлойгодней.

Брошу листик письма, но к тебе он прибьётся весной, —
Отзовется ветрами, далёкой моей стороною.

Бесприютные вербы сойдутся у сирой дороги,
Загудят провода голосами военной тревоги.

В небе пламя блеснёт, затрясётся земля в огневице,
И железо холодное, ржавое в грудь ей вонзится.

Так, сквозь темень просторов, иду я, блуждая по краю,
Ожидаю, гадаю, а где ты — не знаю, не знаю.

Ты прочти эти строки — в них отзвуки боя за Дубно,
Здесь была ты со мною и ночи и дни неотступно,

Здесь я верил, и ждал, и молился тебе, словно чуду,
Проклинал и божился: забуду, забуду, забуду!

Всё забуду навеки — лишь ты будь со мной неотступно,
Этой ночью беззвёздной, в бою по дороге на Дубно.

* * *

Проснись! Видишь облако там, над водою,
На синюю льдинку сквозную похоже.
Была ты счастливою и молодою
Как будто недавно... вчера лишь, быть может.

Была ты, как в небе зари позолота,
Как в марте ручей говорливый, гремучий,
Душа моя! Жаждешь сегодня чего ты?
Ты сетуешь? Слёз не минуешь горючих.

Тоскуешь? Озёра и реки открылись...
О, полные силы хмельные разливы!
О, трубный призыв журавлиный! О, крылья!
Ты плачешь? Так значит сильны мы и живы.

В лазури дрожащих ветвей узорочье,
Их ветры весенние тихо качают,
Серебряных лужиц раскрытые очи
Их облик задумчивый отображают.

Разбиты дороги. И нивы немые
Лежат — словно странные сны — пред тобою.
И дальше, всё дальше в просторы родные
Ведут колеи, полны мутной водою.

Идём же, душа моя! Близится ливень.
Я слышу дыхание дождя грозового.
Омойся! Свободнее стань и счастливей,
Коль ты ещё можешь быть счастлива снова.

* * *

Лес шумит... Даль шумит,
Молодые деревья сгибая,
И струною звенит
В марте месяце даль голубая.

Льдинка кружит одна
На воде. Пар на склонах овражных,
И земля, ото сна
Пробуждаясь, вздыхает протяжно.

У травы, у ручья
Беспокойный таинственный говор,
Золотая струя
О забытых бормочет оковах.

А от чёрной земли,
Там, где кровь пролилась в изобилии,
Стон — не песнь понесли
Небосвода широкие крылья.

Может, так и во мне
Песнь моя, затаясь, не смолкает.
Словно звон в глубине,
Что минуты своей ожидает.

Как объятая сном,
Степь проснётся с весенним разливом,
Грянет издали гром,
Будет песня. Я буду счастливым.

АПРЕЛЬ

Горынь-река. И город над рекою,
Над соснами в глубокой синеве
Плывут, белея, тучки, как разрывы
Зенитных выстрелов. Прозрачный день,
Ни самолётов нет сегодня в небе,
Ни взрывов вдалеке. Земля цветёт.
Не взять ли книжку, как бывало раньше?
Усесться над водою, на траве,
Взор погрузить в прозрачное течение,
Что изменяется, плывёт и мне
Напоминает детство...

(Там плотички

Сверкают серебром, мудрец-пескарь
Стоит под берегом, как будто сонный,—
Его заморозил весенний мир,
Что лёг на воду жирными кругами
И разбудил внезапно дно реки
Косым лучом...)

И я хотел читать,

Но книжки я ещё не развернул.
(Как в детстве было). Что ж я взял с собою?..
Том небольшой, что издан был тому
Сто с лишним лет. В музее погоревшем
Его нашёл товарищ мой, и только
Название разобрал он: Goethe's Werke.

Страничкой жёлтой ветер шевелит.
Kennst du das Land?

Да, край твой знал я, Гёте!
Я знал твой край...

Не стоит продолжать..
Но лучше я пойду,
И сквозь кварталы
Разбитых окон вёл меня апрель.
Минуя ратушу, из города я вышел,
Но книжки зов не оставлял меня.
И словно в спор вступал он с шумом сосен,
С дыханьем ветра, с голосами птиц,
И всё допытывался и боялся,
Что не отвечу я: «Kennst du das Land?»
Я площадь перешёл. Вокруг стояли
Ряды высоких каменных домов,
Опутанные проволокой ржавой.
В пустых, разбитых окнах ветер выл,
Звенел по водостокам, в крышу бухал,
Как в бубен, рвался вихрем, прочь летел
За водокачку, за ограду — в поле,
Что расстиралось молодым руном
И вдалеке сливалось с тёмным лесом
И полосой песков...

Какая синь
Лежит на этих изумрудных травах!
Как ковкая медь — стволы стоят
Прямых и неподвижных старых сосен.
Песок плывёт рекою золотой,
Которой нету ни конца, ни края..
Там, на песке, заметил я людей.
Как много их.. Откуда эти люди?
Склоняются, уходят в глубь земли,
И появляются над нею снова
И снова исчезают...

Синева

Затмилась. В грудь мне ветер хлещет.
Песок летит в лицо. Я подхожу,
Как околдован... Стиснуло дыханье,
Как в страшном сне. Апрельский блеск
Тяжёлая и медленная туча
Закрыла вмиг. Лопатами бойцы
Могилы разрывают. Так невольно
На кладбище в песках привёл меня
Апрель весёлый. Докторша в халате
Неслышно подошла ко мне
И встала рядом. Я заметил: руки
Её дрожат...

«Вы видите?»

При мне
Из ямы поднимали то, что было
Когда-то человеком. Всё что мог
Заметить я: один сапог истлевший,
Песок, приставший к мёртвому лицу,
И скрещенные руки.

Солнце снова
Открылось в небесах. И в вышине
Залился жаворонок так, что в сердце
Боль отозвалась: «Мир прекрасный мой!
И ты ещё поёшь, цветёшь, ликуешь?
Ты от страданий не устал ещё?»
Всё. Ухожу...

Нет, стой, ты должен видеть!
И я взмолился всей своей душой,
Довольно! Хватит!

Я уж много видел
Разрушенных, спалённых городов
И чёрный снег на охладевшем пепле,
Что оставался от прекрасных сёл.
Я видел мёртвых на полях кровавых,
И видел я, как раненые шли
По жёлтому нескошенному полю

И падали средь поля, как снопы,
Ужасные щедроты урожая,
Что собирала смерть... Что видеть я
Ещё могу?

Ты этого не видел.

Я долго с места сдвинуться не мог.
Всё поплыло перед глазами: ямы,
Песок и люди, потемневший лес,
Померкнувшее небо...

Вот выносят
Безмолвные, бойцы детей из ям
И на песок кладут...

И вот смотрю я:
Над проволокой связанные руки,
И слёзы на глазах не закипают,
Плывёт по жилам стынущая кровь,
И мёртвое о рёбра сердце бьётся,
Как о скалу волна.

(Не слышал я,
Как докторша сказала: «Их живыми»...
В то время я ушёл. А синь плыла,
Над соснами летел апрель весёлый,
А жаворонок падал и взмывал,
Захлёбываясь песнею своею,
И песня та была, как жизни звон,
Как жизни плач...)

Что? Кто зовёт меня?
Всё та же докторша, над мёртвыми она
Стоит и говорит мне: «Ваша книжка...»
И правда, книжка на траве лежит,
Апрельский ветер роется в страницах,
Читая в ней слова: Kennst du das Land?
Я не возьму её — пусть закопают
Ту книжку в тёплый, золотой песок.
На выцветших страницах запеклась
Кровь сыновей народа моего,

И не вернуть безвинной этой крови,
Ни кровью, ни прощеньем, ни слезой,
Ни карой, ни мученьями, ни смертью...
... И вот стою я над детьми, над книжкой.
И ветер овевает мне лицо,
И жаворонок в небе не смолкает,
Как звон бессмертной жизни и как плач.

Вей, ветер, вей! Страницы рви,-- ты знаешь,
Что снова будет на земле апрель,
И счастье будет снова. Над полями
Зальётся жаворонок. Но могил
Мы этих не забудем... Не забудем!..

* * *

В боях суровых мы прошли по Украине.
Сквозь ветер и огонь, сквозь битв смертельный дым,
Поля её, леса и реки в ясной сини
Остались позади, как за щитом стальным.
Нас издали вела, от муки задыхаясь,
Пленённая земля, и шли на голос мы,
И не один из нас пал, как подбитый аист,
Среди степных дорог, не одолевши тьмы.
Но с каждым разом мы ещё сильнее были,
Как будто мужество росло от тех утрат,
И плыл железный клин, расправив тотчас крылья,
И не менял пути и не глядел назад.
За Доном были мы и вот за Саном ныне.
Клубится чёрный дым над лугом заливным.
Но мир и волю мы вернули Украине,
Теперь она уже, как за щитом стальным .

И мы идём вперёд. Пусть облака нависли —
Зари не затемнить им сумрачным свинцом.
Шумят у берегов седые воды Вислы,
И Одер слушает наш орудийный гром.
Бессмертны навсегда стоявшие стеною
Над зимней Волгою! Об их стальную грудь
Разбился вражий вал. Сражённые войною,
Они среди живых идут в победный путь.

Не знаем счёта мы смертям, слезам и ранам,
Но пот кровавый нам не ослепил очей,
Мы солнце видели всегда — и за туманом
И за сугробами исхоженных степей.
Не отдали врагу мы древние святыни,
Нет, кровью верною, дыханием своим
Мы волю навсегда вернули Украине,
Теперь она уже как за щитом стальным.

Бегут, плывут поля. И нет конца и края
Просторам золотым. Сквозь гром и тишину
Гляжу в грядущее, как будто созерцая
Потомков радостных далёкую весну.
Они благословят и нашу кровь и муки,
Когда в боях иных, в иной победный час,
Ища в былых веках опоры и поруки,
Задумавшись на миг, вдруг вспомнят и о нас.
Пусть знают, что в борьбе сроднились мы на веки,
Как братья, рядом шли, чтоб счастье им добыть,
Делили хлеб и смерть, переплывали реки
С одною думою упорной — победить.
Где верность и любовь, там места нет кручине.
Над миром мы встаём созвездьем молодым.
Мы волю навсегда вернули Украине,
Теперь она уже, как за щитом стальным.

ПИСЬМО ИЗ БУДАПЕШТА

В январе сорок пятого мы в Будапеште сражались.
День и ночь контратаки, конца им не видели мы.
Дождь, мороз и туман. Наконец-то мы в город ворвались.
Выпал снег — снег не нашей, короткой, мадьярской зимы.

Выпал снег... Опушил и деревья он и загражденья.
Будапештские площади белую степью легли.
В переулках метался огонь, и маячили тени,
И кресты колоколен в тумане виднелись вдали.

Площадей, переулков и улиц имён я не знаю.
Каждый дом — словно крепость. Поди его с бою возьми.
Был приказ не стоять — прорываться скорее к Дунаю.
Был исполнен приказ не стоявшими часу людьми.

Не пурга, не буран — ночь смертельными пулями свищет.
Ног не чуяли мы, застывали винтовки в руках.
В рукопашный пошли мы и бились на тёмном кладбище.
Немцы так и остались лежать на могильных холмах.

На мостах грохотало, в колодцах дворов не смолкало.
Баррикады стояли под снегом в четыре ряда.
Немцы жрали своих лошадей, но и этого мало, —
Взяли мы водокачку — теперь без воды им беда.

Снег врагу помогал, но внезапно растаяло ночью,
И на улицах, враз, чёрный снег, как болото, размок.
На Дунае — не льдины, сырые, тяжёлые ключья,
Немец больше к Дунаю никак подобраться не мог.

Снова дождь. И туман частой сеткою стелется мгlistой,
Выползают мадьяры из тёмных своих бункеров.
Мы своим батальоном взяли две тысячи триста,
Пошатнулась их сила пред силою наших бойцов.

Будапештских ночей я отныне вовек не забуду.
Из домов в темноте, искрясь, сыпалось наземь стекло.
Мост последний взорвав, немцы скрылись в горящую Буду,
Но ничто уж теперь обречённым помочь не могло.

До сих пор в наших снах нам мерещится та канонада,
Словно судного дня гром, слетающий с дальних вершин.
Мы пришли в Будапешт от холодных руин Сталинграда
Через мёртвый Крещатик — и путь наш лежит на Берлин.

Все дороги пройти, все мосты, все далёкие дали,
Не смыкая очей, средь проклятой заснеженной тьмы.
Кто б поверил из нас, если б нам после боя сказали,
Что в Варшаву и Краков победно ворвались не мы.

За Дунай и за Вислу идём сквозь бураны и беды,
Через тысячи сёл — путь наш прям, хоть суров и тернист.
За туманом трубит нам в военные трубы победа,
Молодая, как наш батальонный весёлый горнист.

В сорок пятом сражались мы тут и гордимся по праву.
Есть солдатский закон — смерть и счастье спокойно встречать.
Доброй чаркой живых угостим. Мёртвым — вечная слава.
Лишь один переход — и с тобой я увижусь опять.

* * *

Когда солдат вернётся с поля чести,
На гвоздь повесит старую шинель,—
Он и усталость сбросит с нею вместе,
Солдатскую усталость — горький хмель.

Он будет знать, что вспомнить в жизни долгой:
Слепой огонь, кровавую пургу.
Такие же солдаты, там, над Волгой,
И он меж них, лежали на снегу.

Ему грозили смертью то и дело
Немецкий танк, ружьё и пулемёт,
Но умереть не смел и не хотел он,
Он знал, отсюда он пойдёт вперёд.

Степям, дорогам — ни конца, ни края.
Пришлось ему немало побродить.
Он проходил от Волги до Дуная
С одной-единой думой — победить!

И на венгерской пасмурной равнине
В боях за край, повергнутый во тьму,
Он верен был далёкой Украине,
Её огни мерещились ему.

Днепровские его манили воды,
Над синей вербой мирный дым села,
Его сквозь все бои, сквозь все походы
Дорога к дому отчему вела.

И я с ним возвращусь, припоминая
И степь и горы, где снега легли,
И весь наш путь от Волги до Дуная,
Которым мы, как братья, вместе шли.

* * *

Как всё это случилось — не знаю,
Было ль, не было и отошло.
По дороге к далёкой Синайе
Снегом память мою замело.

Вспоминаю лишь горы в тумане
И снежинки на тёмном стекле,
Сосны, клёнов багряных молчанье
И дымок на высокой скале,

Что же было? Лицо или голос?
Крик, взметнувшийся из темноты?
Как крылом, как ножом расколось
Небо в тучах,— явилась мне ты.

Как прошла ты? Где черпала силы?
Даль какая, какая печаль...
На солдатские смотришь могилы,
И моя среди них не легла ль...

Нет, я жив ещё. Тут, за снегами,
И ветра заметают мой след,
И три тысячи вёрст между нами
И, быть может, три тысячи лет.

Может, дивное это явление,
Голос твой и лицо, как во сне,
Ты, пришедшая зыбкою тенью,—
Это всё, что оставлено мне.

Сколько вёрст я измерю — не знаю,
Сколько лет суждено мне судьбой...
Может быть, по дороге к Синаю
Обо мне вспомнит кто-то другой.

Он поверит в свиданье с тобою
В чудо неомрачаемых сил
В ту любовь, что и мёртвых для боя
Поднимает из братских могил.

* * *

Мы говорим: после войны.
Но и себе мы не ответим,
Какие нам приснятся сны,
К каким мы возвратимся детям,

Какого неба вышина
В тот день разверзнется над нами;
Какою песнею весна
Разбудит эхо за полями;

Какая светлая судьба
Ждёт победителей счастливых;
Какие вырастут хлеба
На тех испепелённых нивах;

Какое выткут полотно
Для белых девичьих сорочек;
Какое нацедят вино
У виноградарей из бочек

Но нам известна лишь одна
Цена добытой с боем жизни.
Мы навсегда лишились сна
И отдыха на братской тризне,

Чтоб нашим внукам довелось
Сказать задумчиво присловье:
«Есть в нашем хлебе соль их слез,
Есть в чарке капелька их крови».

* * *

Вновь дорога, дорога, дорога.
И кресты и мосты впереди.
Снова дождь, и печаль, и тревога,
Одиночества горечь в груди.

Прохожу через степи и горы.
Даже небо чужое здесь мне,
И другие люблю я просторы
На нездешней, иной стороне.

Там сегодня снежок белокрылый
И дымок предвечерний плывет,
Словно призрак забытый и милый,
В бледный, бледный немой небосвод.

Где б я ни был и где я ни буду,
В ежедневной суровой борьбе,
Как бессмертному счастью и чуду
Поклонюсь я, отчизна, тебе.

Может, я и родился солдатом,
Чтобы жить полной мерой в бою,
Чтоб угрюмым и правдой богатым
Возвратиться в отчизну мою.

В ту, что нежною, снежною, прежней
Там далеко лежит — не видна.
Отдохнуть, а как утро забрезжит,—
Снова в путь, что укажет она.

* * *

Спроси меня, где родина моя,
Где отчий дом и где моя земля,—
Я точно знаю, что отвечу я,
И пусть немые подтвердят поля
И рощи, где срубили все до пня,
Где судный гром ещё не отгремел,
И эти песни, полные огня,
Затем, что я всю жизнь горел,— не тлел.

Мой дом укрыл весенний небосвод
В свободных далях края моего.
Мой край родной меня не проклянёт.
Я в грозный час оборонял его.
Как сыну мне судьбу свою вручил
Тот край, где сердце матери лежит.
На той земле, где песни я взрастил,—
На той земле и без меня им жить.

ПРЕДГРОЗЬЕ

* * *

В час торжества и в час печали,
В труде, заботах и в бою
Люблю упрямую, из стали,
Отчизну звёздную мою.

За хлеб, за соль моей отчизны,
За чуткость, за сердечный жар,
За всё, что есть и будет в жизни,
Я приношу ей песни в дар.

Во тьме ночной, на поле боя,
Упавший в тёплый прах лицом,—
Горячей, брызнувшей слезою
Я с ней прощусь перед концом.

И пусть, день ото дня чудесней,
Она, шагая сквозь года,
Моей, открытой бурям, песни
Не забывает никогда!

* * *

Я буду жить в туманах, в шуме
Берёз в подветренном краю,
В глубокой и печальной думе
Про юность давнюю мою.

Пройдут дожди над суходолом,
Прибьют увядшую траву,
И я умру с осенним полем,
Но вновь барвинком оживу.

«Барвинок милый!»— будут мниться
Слова забытые давно,
И может, счастье мне приснится,
И может, сбудется оно.

И может, вновь любви наитье
Придёт, и буду я любим,
И буду снова жить и жить я,
Земного счастья побратим —

В осеннем поле, в журавлиных
Вдали курлычащих ключах,
В пытаньи клёнов при долинах,
И в лесне, и в твоих очах.

1938

* * *

Как нежный цвет, живое слово
На волны вечности кладу.
Пройдут года, из корня снова
Взрастёт вишнёвый цвет в саду.

А милый, с милою встречаясь,
На берегу далёких лет,
Увидит, над волной склоняясь,
Неумирающий мой цвет.

И в час любви, и в час разлуки,
В мучительный и сладкий час,
Он скажет слово — знак поруки,—
В котором жар мой не угас.

Он скажет: давнею порою
С любимой здесь поэт стоял
И, наклоняясь над волною,
Нам слово дружбы посылал.

И в этом слове, как живая,
Соединит сердца их вновь,
Бессмертным отзвуком вставая,
Вся наша смертная любовь.

* * *

Барвинок стелется в долине
На полдороге наших лет.
Нам снятся очи в блеске синем,
То не барвинка ль нежный цвет?

Мечтаем мы, увы, напрасно,—
Отцвёл барвинок навсегда.
И лишь видением неясным
Встают забытые года.

Встаёт ушедшее былое
И сны и яви краткий миг.
А сердце — нет ему покоя —
И помнит и не помнит их.

И снится вновь над луговиной
Полузабытый синий цвет;
В долине стелется барвинок
На полдороге наших лет.

Стелись барвинок нежный, тонкий,
Пусть синий цвет очей цветёт,
Пусть сердце жаворонком звонким,
Летя на грудь к тебе, поёт...

* * *

Роса на клёне, на калине,
На травах ранняя роса.
Во мгле торжественны и сини,
Как цвет барвинка, небеса.

Над берегами, над осокой,
Над тихим лоном ясных вод
Плывёт, как колокол глубокий,
Необозримый небосвод.

И всё, что жизнь мне посылает,
И всё, что сам я отдал ей,
Вот так плывёт и уплывает,
Творит поток чудесных дней.

И всё, что сердце так любило,
И чем дышало в тишине,
Всё то, что будет, то, что было —
Всё сновиденьем мнится мне.

Плыви, пусть бьются ливни злые,
Как цвет калины над водой,
На берег мой встают другие,
Как я, с душою молодой.

Пускай идут по свежим росам,
Пусть небосвод, высок и тих,
Им стелет в солнечных покосах
Отавы вёсен молодых.

1938

* * *

По-над обрывом, вдоль крутого лога,
Река родная, голубая Рось,—
Открылась мне весенняя дорога,
Душа утихла. Сердце улеглось.

Текут речные медленные воды,
Над ними вечереют облака.
А в высоте, где меркнут небосводы,
Спокойствие течёт, как Рось-река.

И кажется, что взор не наглядитоя...
Глядел и слушал, кажется, бы век.
Душою бы с теченьем этим слиться —
Небесной и земной, обеих рек.

Чтоб эти вечереющие ветлы,
Непышная, туманная вода,
Трава, примятая росой светлой,
Запечатлелись в песне навсегда.

Чтоб, увидав уже иные волны,
Попав в иной, малознакомый край,
Приветливое «здравствуй» я бы молвил,
И умирающее «прощай».

* * *

За что любить, за что тебя жалеть мне?
Дороги жизни врозь идут и вкось.
Как в день осенний дождевые плети,
Густой поток твоих холодных кос.

В печальный день увядшею осокой
Унынье вод коснулось глаз твоих,
Промчался ветер за горой высокой
И, на тебя взглянув, навек затих.

Иду дорогой, лес, поля миную,
И лишь судьбы я миновать не смог:
Я босоножку знаю, ту другую,
Насквозь земную, — вольный ветерок.

Она идёт счастливою тропею,
В душе не зная ни добра, ни зла,
Такою смелую и молодую,
Какою никогда ты не была.

1937

* * *

И вновь и вновь я всё покину.
Туда, туда меня влечёт —
К моей отчизне тополиной
Степей и зорь и ясных вод.

Я встану над Берестовою
И вновь пройду тропинкой той,
Где ласточкою грозовою
Ты, жизнь, предстала предо мной.

Зарниц пылающие крылья
Летят, сверкая и слепя,
В них наша молодость и сила,
И песни, песни для тебя!

Даруешь счастье иль невзгоды,
Летишь над степью заревой —
От голубого небосвода
И до земли — я твой, я твой!

Я снова твой, я всё покину,
Туда, туда меня влечёт —
К моей отчизне тополиной
Степей и зорь и ясных вод.

1939

* * *

Не скажу, не забуду, не знаю,
Что забыть мне и что мне сказать?
Небеса без конца и без краю
Предо мной возникают опять.

И немой поцелуй замирает.
Твои руки теплы и нежны.
Из-за острова выплывая,
Волжской вольницы мчатся челны.

Это пушки тревогу забили,
Мечут искры, скрестившись, мечи.
Словно птицы гигантские крылья,
Паруса встрепенулись в ночи.

Ночью грозной, беззвёздной и гневной,
В полыхании тьмы голубой,
В честь моей шамаханской царевны
На земле разгорается бой.

Полонянка, владычица боя,
Я целую твой след на скале,
Берега, корабли за тобою
В тихий плен твой плывут в полумгле.

Что же скажешь ты мне на прощанье?
Безмятежна, светла и ясна,
В голубом, точно сказка, тумане
За тобой уплывает весна.

1939

* * *

Уже над сумеречным морем
Одна звезда горит вдали.
Уже волна в любовном споре
Изнемогла у ног земли.

Ни горизонта, ни предела
Вечерней бездны голубой,
И только пеной, только белой
Обозначается прибой.

И над бурунами прибоя
Уже клубятся облака,
И как бы тянут за собою
Печаль и дым: гроза близка.

И шторм всё яростней и круче
Качает колыбель зыбей.
И вместе с ним ныряет в тучах
Звезда. И свет её слабей.

Встают ветра. Уже стеною
На скалы валится вода,
Но шторм проходит стороною,
Как бы и не был: без следа.

Лишь куст дрожит. И как бы корень
Стремится вырвать из земли.
И вновь над сумеречным морем
Одна звезда горит вдали.

1936

* * *

Прибой гудит далеко над округой,
И волны мчатся в пене, как в снегу.
Я вновь с моей седеющей подругой
Задумчиво стою на берегу.

А на земле, где наша тень упала,
Размыты ливней вековых легли,
Здесь дева готская на берегу стояла,
Высматривая в море корабли.

Гроза росла. Столетние летели,
Купая крылья, чайки над водой.
И только мы заметно постарели,
А небосвод, как прежде, молодой.

Но и для нас за облачную стайкой
Такой всплывает молодости дым,
Что мы, как две бессмертно белых чайки,
Сквозь ярый шторм навстречу ей летим.

1937

* * *

Русокошая, с тонким станом,
Руки — белых белее крыл.
Не поймаю и не достану,
Что прошло — то выше сил.

Над задумчивою Сулою,
В предрассветном, туманном сне
Белой лебедью надо мглою
Примерещилась ты мне.

Если сон это — не посетуй,
Если явь это — всё равно.
Неоконченную беседу,
Как вино, пью, как вино.

Не вчера ль далеко-далёко
Неба синего сгасла высь,
Русокошая, взором — сокол,
Лебедь белая, вернись!

Ты повсюду, едва лишь гляну
На малиновый окоём.
Не поймаю и не достану.
Дней минувших не вернём.

* * *

Себе косынку голубую
на берегу девчонка шьёт.
Она работает неплохо,
да шёлку ей недостаёт.

Уже она готова плакать,
и жалко ей себя самой,
а к берегу идёт крутому,
подходит крейсер боевой.

Уж моряки бегут по трапам,
несут ей тысячи шелков:
— Ты вышей красные знамёна
для знаменитых моряков!

И небо зорями покрыто,
запел один, второй баян,
и с девушкой знаменитой
уходит крейсер в океан.

1937

* * *

Хорошо сидели в сѣдлах, становились у воды.

— Не беда,— гуторят,—раны, смерть,—гуторят,—полбеда!

Через брод проходят к лесу, напрямки через луга,
Отступать им неохота, а охота бить врага.

Враг в лесу, ну а до лесу сто шагов, и то навряд.

Командир на два отряда делит поровну отряд.

— Ну и бой был,— говорили,— замечательный был бой,
Искры сотнями сверкали в тишине той голубой.

Только сабли, словно змен, извивались и тряслись.
Только раны алой кровью наливались, налились.

Солнце падало в поляну, в дол кровавой головой,
И краснела вся долина кровью вспоенной травой.

Раз в году, такое дело, если больше, то—враньё,
Над дубами чёрной стаей поднималось вороньё.

И встречались два отряда, выезжали на луга,
Кони в мыле.— Где же ворог?— Ночь затихшая строга.

Стали все на перекличку, перекличку провели:
Семь израненных, а восемь отозваться не могли.

Кони тронулись в печали, зазвенели удила,
Низко туча над отрядом опустилась, проплыла.

— Что ж,— гуторят партизаны,— вот напиться бы воды,
— Не беда,— гуторят,— раны, смерть,— гуторят,— полбеда!

1938

* * *

Тёмносинее небо прохладно, прозрачно, глубоко,
И под ним, надо мною, ветвистый колышится гай.
В реках тронулся лёд, неудержная сила потока
Омывает лесов и яруг зачарованный край.
Журавли прилетели. Ударили выстрелы в поле
И напомнили сердцу о чём-то далёком, родном.
Стрелки первых подснежников тихо выходят на волю,
Голубые глаза раскрывают под тёмным кустом.
Выйти за город, в поле, увидеть над старой межою
Жёлтый медный патрон, заблестевший среди темноты.
Кровь, пролитую здесь, ощущаешь своею родною.
Узнаю тебя, юность моя, узнаю тебя вновь,— это ты!

Эшелоны ночами идут через мост на Полтаву.
Кулачье против нас подымается в ближнем селе.
Мы над озером сонным бессонную держим заставу...
Сколько нас на весенней, на этой тревожной земле?
На наречьи ночном говорят тополя с яворами.
Верба тихо прислушалась. Чуть колыхнулась вода:
Ветер веет в бессмертье. Разведка проходит ярами.
Пули нежно пропели—и в сердце, и в сон навсегда.
След глубокий в душе оставляют беззвёздные ночи,
Тот спящий огонь, что из страшной летит темноты.
И взмывает на волнах мечтаний, стихов и пророчеств.
Узнаю тебя, юность моя, узнаю тебя вновь,— это ты!

Тополя с яворами за годы не так постарели,
И не мне одному свои думы шептали они,—
Многих встретили трепетом, лаской своей обогрели,
В наши близкие сердцу, навек незабвенные дни.
Пусть проходят года, как сияющий солнечный ливень,
Пусть в осеннем потоке увядшему мчатся листу.
Пусть рождается новая юность и будет счастливой,
И выходит со мною, вставая на звёздном мосту,—
Чтоб навстречу итти неожиданным грозам суровым,
Нашу песню, как знамя, до звёздной поднять высоты
И кричать этим смуглым, счастливым, упрямым, здоровым—
Узнаю тебя, юность моя, узнаю тебя вновь,— это ты!

1938

* * *

В мороз ли, в дождь настанет этот срок —
Я встану вновь на тихий наш порог,
Скажу: «Мосты качаются в огне,
Там бой кипит, пора туда и мне!»

В Песчанке гром, над Шаховкою мгла,
Берестовую туча облегла,
Летят ветра и наклоняют в пыль
Над братскими могилами ковыль.

Возьму винтовку и стихи с собой;
Прощай, коль больше не вернусь домой.
Сражённый в битве, я припомню вновь
Твоё простое имя и любовь.

И буду я любим в своей стране,
Потомок в песне вспомнит обо мне,
А ты, с печалью светлою в груди,
Возьми винтовку, с нею в бой иди,

ПЕСНЯ

Злые тучи. Пыль и ветер
над Берестовою.
Сходит вечер. Вечер плещет
медью листовою.
Дуб и берест, клён и явор —
в тучи головою.

Листья рвёт, бросает ветер
в ледяную воду.
Проезжали партизаны,
не спросили броду.
Не ждала ты в это время
гостя из похода?

Что ж ты стала, не откроешь
милому ворота?
Или мне не надоели
рубка да забота?
Или мне седло да сабля —
только и работа?

Видишь, убыло немало
хлопцев в эскадроне...
День и ночь, ещё две ночи

мчались от погони,—
притупились подковы,
притомились кони.

Путь наш степью, полем, лесом,
пасмурнее ночи.

Отдохнём и вновь в дорогу
полетим, что мочи...

Кто привёз тебе обнову,
шёлковый платочек?

Кто привёз тебе обнову?

Руки уронила.

Что ж молчишь, не скажешь слова?

Ждать мне не под силу.

Пыль и ветер. Злая туча
небо полонила.

Открываются ворота,

тяжелы, скрипучи.

Открываются ворота

в грозовые тучи.

Открываются ворота —

молния из тучи!

Как скользил с седла! Как в травах

руки разбросал он!

Как неслись по полю кони —

и коней не стало!

Здесь — измена, партизаны,

что вам — муки мало?

Или плохо вы знакомы

с гибелью такою?

Тишина, и дождь, и ветер

рвутся над рекою.

Нет вам, братцы, передышки,
нет нигде покоя...

Злые тучи гонит буря
над Берестовою.
Дремлет ночь над камышами,
над глухой травой.
Дуб и берест, клён и явор —
в тучи головою.

1934

БОЙЦЫ

Трижды в небо выстрелы послали.
Напились прохлады ключевой.
Опустив поводья, отъезжали
От могилы снова в лютый бой.

Тихо плакала в лугу калина.
Старый партизан сказал: «Беда!
Им сдавила грудь сырая глина,
И под плечи затекла вода...»

И сказал другой: «Не в этом горе,—
Верно в бурю народились мы:
Все пути от моря и до моря
Нашими усеяны костями!»

Громко свистнул ветер, пролетая,
Запылал на западе пожар,
И, седой, на стремях вставая,
Пут бойцам промолвил комиссар:

«Не такая нынче нам година,
Чтоб себе могилу выбирать.
Чем тут плохо? Ягода-калина
Будет их покой оберегать.

Мы прошли от моря и до моря,
Чтобы засияла навсегда
Сквозь неправду и людское горе
Наша пятикрылая звезда!»

«Что ж,— бойцы сказали,— дело ясно.
Нам о прошлом нечего жалеть.
Мы за эту правду все согласны,
Если нужно, трижды умереть!»

И тогда вперёд рванулись кони,
И, не оглянувшись,— в ураган,
На таком безудержном разгоне,
Что не снился никогда врагам!

1935

ПЕСНЯ О БРАТСКИХ МОГИЛАХ

Ветрами студило, дождём её мыло,
Над ней колыхался туман,
Похожа на многие эта могила,
Как рана на тысячу ран.

Вечерние зори над ней пламенеют,
Как марево шумных знамён,
И камень суровый редеет над нею,
На камне ни дат, ни имён.

Лежат под тем камнем, погибнув достойно,
Как братья в родстве боевом,
Московский кузнец, белокурый эстонец,
Последним почившие сном.

Лежит здесь рыбак из Херсона и рядом
Полтавец — простая душа,
Иван Чумаченко, боец продотряда,
Уралец и два латыша.

Над ними в походе встаёт Украина,
Родная моя сторона,
И каждого, верно, припомнит как сына,
Как сына родного она.

Их солнце сушило, дождями их мыло,
И ветры летели тропой.
Стоят незабвенные эти могилы
В степи Украины родной.

1937

ДВА ПИСЬМА

В Черноморской стороне
При долине-долинé
Скачет милый на ретивом,
На буланом скакуне.

Ветер клонит ковыли,
Тучи стелются вдали,
Конь несётся и копытом
Не касается земли.

Здравствуй, милый-чернобров,
Будь и весел и здоров,
Налетит обидчик-ворог,
Будь с обидчиком суров!

Шлёт поклон тебе родня,
Вспоминай всегда меня,
Будь могучим и счастливым,
Береги в беде коня.

Не печалься обо мне,
Напиши письмо родне —
Как живётся в той далёкой,
Черноморской стороне?»

Через весь простор полей
Милый письма пишет ей:
«Я зовусь бойцом недаром
В красной коннице моей.

Нам чужбина не страшна,
Всюду родина одна—
И поближе, и подальше—
Дорогая сторона.

Добрый конь мой,— будто змей,
Коль умешь, разумей,—
Почему он самый лучший,
Самый верный из друзей.

Как я в строй с конём вставал,
Мой отец его седлал,
Подтянул ему подпругу,
Повода мне в руки дал.

Как пошли мы из села—
Мать, стремян касаясь, шла,
А сестрица на прощанье
В гриву ленточку вплела.

А как вышли за село—
Тихо скрипнуло седло:
Что ж в народе моей милой
Моё сердце не нашло?

А как встали мы в ярах,
Свистнул ветер в яворах,
Ярый ветер крутояром
Закрутился на буграх.

Поднялся вороний край,
Зашумел в степи курай—
Вижу издали платочка
Шёлком вышитого край.

Вижу: едет в стороне
Дорогая на конё,
Что в одном с моим буланым
Вырос вольном табуне.

Ярый ветер, тихий край,
Да вороний дикий край,
Да курай над крутояром,—
Знали — видели — прощай!»

*

В Черноморской стороне
При долине-долинё
Скачет милый на ретивом,
На буланом скакуне.

Ветер клонит ковыли,
Тучи стелются вдали,
Конь несётся и копытом
Не касается земли.

1938

МОСТ

Бой. Музыка. Гроза. И ночь росла
Из трёх ключей: грозы, оркестра, боя.
Чугунный старый сыч стонал со зла,
Швыряясь чёрной бранью за рекою.

Бил ветер в грудь, беснуясь на реке,
И грузно спотыкались на разгоне,
В прибрежном увязая лозняке,
Слепые в мраке, бешеные кони.

Ещё под вечер развалили мост
Задохшиеся вражьи батареи,
И бой вставал, во весь поднявшись рост,
Лишь к ночи, и дышал он только ею.

Валились трубы, выстрелы, клинки
В сквозной расщеп расколотого мрака,
И отражали молнию зрачки,
Как становой хребет ночной атаки.

С ума сводила музыка, а гром,
Что не был предусмотрен в партитуре,
Боролся с флейтами и вырастал потом
Крутой стеной сражения и бури.

А ночь тянулась сутки. Трубачи
Трубили помертвелыми губами.
И падали, разбитые, в ночи
Дубы, дождём разбрызгивая пламя.

Когда ж последний дуб упал в огне,
В реке подняв фонтаны алой пыли,—
Уж лошади на этой стороне
Свой жёлтый зуб на мундштуках щербили.

В один поток сливались три ключа,
Кавалерийской лавою обрушась,—
В дым выстрелов, в размах клинков с плеча,
В глаза коней, где были боль и ужас.

Сводили долго счёты и концы,
Стихали, отдыхая на привале,
Где раздобыли самосад бойцы,
И кони дымными губами воду брали.

Бой. Музыка. Гроза. Какой тревожный мост
Связал незримо две далёких ночи!

...Концерт окончен. Молчалив и прост,
Кавалерист идёт и прячет очи.

КАТЕРИНА

Катерина! Над лиманом,
над Орелью — лёт утиный.
Хмуры пашни. Даль туманна.
Всё как надо. Чин по чину.

В камышах по-над водою
бродит осень-непоседа.
Что же это мы с тобою
не докончили беседы?

Ни беседы, ни молчанья!
В расставанье, на разлуку,
дай-ка в очи — на прощанье—
поцелую, стисну руку.

Кроет небо облак тёмный.
Ты светла. Я слёз не вижу.
Через десять лет припомню,
через двадцать — не увижу.

Ну, прощай... А ветер пьяный
с тихим дождиком столкнулся.
Над лиманом, за туманом
сизый селезень взметнулся...

1934

ДОКНЯ

Скрипка плачет, горько плачет скрипка,
контрабасы вторят ей, скорбя.
Вот и молодость моя проходит, рыбка,
вот все меньше я люблю тебя.

Если все оставить и забытья,
снова на железный мост взойти,
где зелёная вода струится,—
жизнь пойдёт по старому пути.

Будут поезда катиться на Полтаву
и обратно вплоть до Лозовой,
будет Харьков обещать нам славу
и Лебяжье хвастать тишиной.

А сентябрь к себе поκληчет, рыжий,
всю дружину леса и степей,
прокричит ещё кукушка трижды,
и в ветвях замолкнет соловей.

И когда попросит сердце снова
песни непропетой у меня—
за любые радости былого
не отдам сегодняшнего дня.

Через дружбу, и вражду, и муки,
через разведенные пути,
без тоски, без мысли о разлуке
буду на руках тебя нести.

Мимо слёз, в которых тонёт скрипка,
мимо слёз, подобных хрустально,
молодостью непогасшей, рыбка,
в слове мной не сказанном: люблю.

1935

Е Л Е Н А

На Полтавской улице, над пеной
Молодой листвы который год
Твоего родителя, Елена,
Масляный стучал, гремел завод.

Был родитель твой косматый, рыжий,
Небольшого роста и с горбом,—
Но кирпичный под железной крышей
Недурной себе построил дом.

На дворе крутые кони ржали,
Ссорились крутые мужики.
Ничего они не выпускали
Из дублёной и большой руки.

Постава работали исправно,
Гнулась, гнулась батраков спина;
Меж телег прохаживалась плавно
Молодая дочка горбуна.

Масло выступало, и рядами
Выжимки росли по сторонам.
Синими и жирными рублями
Падала макуха ей к ногам.

Золота отец твой, своенравец,
В косы дочке вплёл, не поскупясь.
Сколько загубил горбун красавиц,
Чтобы ты — такая родилась.

Ой, ты улица и листьев пена,
И от зноя дымка, словно мгла.
Ой, ты дочь хозяйская, Елена,
Ты меня до горя довела!

Я входил в дубовые ворота,
Был мешками весь завален двор.
Тайная тревога и забота
Наполняли мой ревнивый взор.

Ледяным твоим глазам в угоду,
Ради золотых твоих волос,
Растерял я молодые годы,
Для тебя все беды перенёс.

Ради губ твоих горячих, алых,
Привередливых, надменных уст,
Сколько чувств в душе моей пылало,
И дотла сгорело сколько чувств.

Я молчал, не говорил ни слова,
Твой родитель гнул меня вдвойне:
Я таскал мешки все снова, снова,
Словно запродавшись сатане.

Но, Елена, не к чему лукавить;
Что мне было делать с горбуном, —
Иль фонарь ему под глаз подставить,
Иль огреть хозяина кнутом.

Я свою любовь таил украдкой.
Я молчал, не говорил с тобой,
Но однажды вечером над кадкой
Руки мыл я дождевой водой.

Ты прошла, а подойти посмей-ка—
Прошумела платьем. Ну так что ж!
— Подожди, Елена-чародейка!
Не спеши, куда же ты идёшь?

И остановилась, но ни слова
Не сказал я: был твой взгляд таков,
Что стоял я вовсе бестолково,
Дураком стоял из дураков.

Словно камень пролетел над ухом,
И всплеснулась сонная вода!
— Что ж ты стал, носи свою макуху!
И всё ясно стало мне тогда.

Девятнадцать мне с немногим было,
И мою тоску, поднявши бровь,
Ты хозяйским глазом оценила
И решила: дешева любовь.

Что ж мне делать, что ж теперь сказать им —
Горбуну и дочери его?
То, что я не стал хозяйским зятем,—
Это будет даже ничего.

Отшумела юных листьев пена,
Дождевая зацвела вода.
Чародейка чортова, Елена,
Ты Полтавской улицы беда...

Только в сердце что-то ноет глухо,
Хоть давно перекипела кровь.
Стала в горле, как твоя макуха,
Горестная первая любовь.

УЛЬЯНА

Будет слово, будет песня про весну и вечера,
про пылающие зори, про любовь и трактора...
Дуют молодо и люто в марте месяце ветра.

Степь и ветер. Степь и небо. Степь и солнце. Целина.
Выезжает в степь бригада, а в бригаде — вот те на! —
едет девушка в бригаде, да пригожа, как весна.

Что ж ты, девушка Ульяна, от бригады отстаёшь?
Что ж ты, девушка Ульяна, полной нормы не сдаёшь?
Ой, весенним ветром пьяный день, как молодость, хорош!

Молвит тот и молвит этот, молвит третий тракторист:
«Не твоё, Ульяна, дело — лучше ты и не берись!»
А четвёртый молвит: «Смело крой, Ульяна, торопись!»

День, другой — соревнованье, а Ульяна отстаёт —
трое рады, а четвёртый им руки не подаёт.
И идёт в ночную смену он с Ульяной не в черёд.

Холодны вы, ночи марта! Степь кругом черным-черна,
Ветер молодо и люто мчится степью. Целина.
Ой, ночей бригадных темень, холод мартовский, весна!

А наутро поднимают трое девушку на смех,
и четвёртый покраснелся, а она не слышит тех,
для кого её работа только повод для потех.

День, другой соревнованье. День да ночь, ещё два дня —
у троих растёт тревога, смех недавний заменя.
У четвёртого же взоры — два весёлые огня:

«Что ж вы, хлопцы, от Ульяны отстаёте на версту?
Видно, хлопцы, вам Ульяну обогнать невмоготу?»
Ой, весенним ветром пьяно дышит молодость в цвету!

Ой, пылающие зори, холод мартовский, весна!
Над распаханною степью ветер кружится спяна,
и ложатся ровно зёрна, где лежала целина!

1934

ПТИЦА

Прошла она в сером свитре,
меня увлекла за собой,
и волосы, взбитые ветром,
видись над её щекой.

В вечерних песнях летучих
за ней оставался путь,
и за город плыли тучи—
хотелось им день вернуть.

Пространства почувствовав эти,
проникнутый их новизной,
тебя я заметил, заметив,
что это впервые со мной.

И снова иду я — прохожий,
и даль предо мною лежит.
Ну, чем ты на всех непохожа?
Но схожа ты с кем, расскажи?

Я видел такую же поступь,
а в согнутой в локте руке
есть еле заметное сходство,—
но с кем?— Я не ведаю, с кем.

Я медлю и медлю с ответом,
но небо ясней и ясней.
Осеннего леса приметы—
решенье загадки твоей.

Я вижу — пора золотая
леса, словно жар, обняла.
Далёкая птица взлетает,
как знак твоего ремесла.

Теперь мне нельзя ошибиться,—
твой поднебесья и лес.
Ты — птица! Ты — девушка-птица
весёлых и светлых небес.

Вчера самолёты взлетали;
я видел в закатном огне —
из тёплой и розовой дали
с крыла улыбалась ты мне.

А после в пространство летела,
откинута ветром с крыла,
и песней наполнилось тело,
и песней сама ты была.

Ты радости в небе искала
и вновь опустилась в поля—
ты в этих полях расцветала,
и трижды родной тебе стала
огромная наша земля.

1935

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Огромна страна — и огромна работа
в колхозе, в милиции, в доме и в цехе.
Но всё же тревога, печаль и забота
врываються в наши дела и успехи.

Легко ли добиться такого порядка,
чтоб горя людского не стало на свете?
Несчастные случаи! Сухо и кратко
о них сообщают в вечерней газете.

И ты узнаёшь из газеты про то, что
без четверти семь у окошечной дверцы
седая старушка скончалась на почте,
что смял паралич одряхлевшее сердце.

Скончалась старушка! Чего же мне грустно,
и сердце стучит так неровно и глухо?
Не в этих масштабах поэты искусны!
Поэтам подстать равнодушье к старухам!..

Я знал ту старушку. Частенько, бывало,
мы рядышком с нею на почте стояли.
Она у окошка письма поджидала
в огромном, шумливом, зашарканном зале.

В потёртой жакетке, окутана чёрным
заштопанным шарфом, она там стояла,
смотрела на юношей, крепких, упорных,
на смуглых девчат — и печально молчала.

Для всех переводы... Письмо у любого...
Порой телеграмму несут голубую...
А ей, горемычной, от сына родного
хотя бы открытку! Хотя б доплатную!

У многих старух ни тревог, ни заботы,
под старость имеют они на утеху
сынов-агрономов, героев-пилотов.
У ней же пропал он, как только уехал.

У многих невестки умны и толковы,
хоть с кем-нибудь можно поспорить сердито!
У ней же от сына два года ни слова,
и только на почту дорога открыта.

...И вот узнаёшь из газеты про то, что
без четверти семь у окошечной дверцы
седая старушка скончалась на почте,
что смял паралич одряхлевшее сердце...

Я тоже, как все вы, подчас забываю
порадовать маму известьем о сыне;
а деньги отправить всегда вспоминаю —
когда ни гроша не осталось в помине.

Я тоже не думал в уюте домашнем,
что скорая помощь напомнит порою
о смерти на почте, внезапной и страшной,
о ласковом сердце, убитом тоскою.

Герои! Пилоты! Водители танков!
Поэты, литейщики и агрономы!

Пишите открытки со всех полустанков
и шлите домой человеку родному,—

Домой, где любовь расцветала над нами,
домой, где учились мы жить и шагать,
где ждёт нас, безмолвно тоскуя ночами,
седая, родимая, дряхлая мать.

1934

* * *

Себе козынку голубую
на берегу девчонка шьёт.
Она работает неплохо,
да шёлку ей недостаёт.

Уже она готова плакать,
и жалко ей себя самой,
а к берегу идет крутому,
подходит крейсер боевой.

Уж моряки бегут по трапам,
несут ей тысячи шелков:
— Ты вышей красные знамена
для знаменитых моряков!

И небо зорями покрыто,
запел один, второй баян,
и с девушкой знаменитой
уходит крейсер в океан.

1937

* * *

Хорошо сидели в сёдлах, становились у воды.

— Не беда,— гуторят,—раны, смерть,—гуторят,—полбеда!

Через брод проходят к лесу, напрямки через луга,
Отступать им неохота, а охота бить врага.

Враг в лесу, ну а до лесу сто шагов, и то навряд.
Командир на два отряда делит поровну отряд.

— Ну и бой был,— говорили,— замечательный был бой,
Искры сотнями сверкали в тишине той голубой.

Только сабли, словно змеи, извивались и тряслись.
Только раны алой кровью наливались, налились.

Солнце падало в поляну, в дол кровавой головой,
И краснела вся долина кровью вспоенной травой.

Раз в году, такое дело, если больше, то—враньё,
Над дубами чёрной стаей поднималось вороньё.

И встречались два отряда, выезжали на луга,
Кони в мыле.— Где же ворог?— Ночь затихшая строга.

Стали все на перекличку, перекличку провели:
Семь израненных, а восемь отозваться не могли.

Кони тронулись в печали, зазвенели удила,
Низко туча над отрядом опустилась, проплыла.

— Что ж,— гуторят партизаны,— вот напиться бы воды,
— Не беда,— гуторят,— раны, смерть,— гуторят,— полбеда!

1938

* * *

Тёмносинее небо прохладно, прозрачно, глубоко,
И под ним, надо мною, ветвистый колышится гай.
В реках тронулся лёд, неудержная сила потока
Омывает лесов и яруг зачарованный край.
Журавли прилетели. Ударили выстрелы в поле
И напомнили сердцу о чём-то далёком, родном.
Стрелки первых подснежников тихо выходят на волю,
Голубые глаза раскрывают под тёмным кустом.
Выйти за город, в поле, увидеть над старой межою
Жёлтый медный патрон, заблестевший среди темноты.
Кровь, пролитую здесь, ощущаешь своею родною.
Узнаю тебя, юность моя, узнаю тебя вновь,—это ты!

Эшелоны ночами идут через мост на Полтаву.
Кулачье против нас подымается в ближнем селе.
Мы над озером сонным бессонную держим заставу...
Сколько нас на весенней, на этой тревожной земле?
На наречьи ночью говорят тополя с яворами.
Верба тихо прислушалась. Чуть колыхнулась вода:
Ветер веет в бессмертье. Разведка проходит ярами.
Пули нежно пропели—и в сердце, и в сон навсегда.
След глубокий в душе оставляют беззвёздные ночи,
Тот слепящий огонь, что из страшной летит темноты
И взмывает на волнах мечтаний, стихов и пророчеств.
Узнаю тебя, юность моя, узнаю тебя вновь,—это ты!

Тополя с яворами за годы не так постарели,
И не мне одному свои думы шептали они,—
Многих встретили трепетом, лаской своей обогрели,
В наши близкие сердцу, навек незабвенные дни.
Пусть проходят года, как сияющий солнечный ливень,
Пусть в осеннем потоке увядшему мчатся листу.
Пусть рождается новая юность и будет счастливой,
И выходит со мною, вставая на звёздном мосту,—
Чтоб навстречу идти неожиданным грозам суровым,
Нашу песню, как знамя, до звёздной поднять высоты
И кричать этим смуглым, счастливым, упрямым, здоровым—
Узнаю тебя, юность моя, узнаю тебя вновь,— это ты!

1938

* * *

В мороз ли, в дождь настанет этот срок —
Я встану вновь на тихий наш порог,
Скажу: «Мосты качаются в огне,
Там бой кипит, пора туда и мне!»

В Песчанке гром, над Шаховкою мгла,
Берестовую туча облегла,
Летят ветра и наклоняют в пыль
Над братскими могилами ковыль.

Возьму винтовку и стихи с собой;
Прощай, коль больше не вернусь домой.
Сражённый в битве, я припомню вновь
Твоё простое имя и любовь.

И буду я любим в своей стране,
Потомок в песне вспомнит обо мне,
А ты, с печалью светлою в груди,
Возьми винтовку, с нею в бой иди.

П Е С Н Я

Злые тучи. Пыль и ветер
над Берестовою.
Сходит вечер. Вечер плещет
медью листовою.
Дуб и берест, клён и явор —
в тучи головою.

Листья рвёт, бросает ветер
в ледяную воду.
Проезжали партизаны,
не спросили броду.
Не ждала ты в это время
гостя из похода?

Что ж ты стала, не откроешь
милому ворота?
Или мне не надоели
рубка да забота?
Или мне седло да сабля —
только и работа?

Видишь, убыло немало
хлопцев в эскадроне...
День и ночь, ещё две ночи

мчались от погони,—
притупились подковы,
притомились кони.

Путь наш степью, полем, лесом,
пасмурнее ночи.

Отдохнём и вновь в дорогу
полетим, что мочи...

Кто привёз тебе обнову,
шёлковый платочек?

Кто привёз тебе обнову?

Руки уронила.

Что ж молчишь, не скажешь слова?

Ждать мне не под силу.

Пыль и ветер. Злая туча
небо полонила.

Открываются ворота,
тяжелы, скрипучи.

Открываются ворота
в грозовые тучи.

Открываются ворота —
молния из тучи!

Как скользил с седла! Как в травах
руки разбросал он!

Как неслись по полю кони —
и коней не стало!

Здесь — измена, партизаны,
что вам — муки мало?

Или плохо вы знакомы
с гибелью такою?

Тишина, и дождь, и ветер
рвутся над рекою.

Нет вам, братцы, передышки,
нет нигде покоя...

Злые тучи гонит буря
над Берестовою.
Дремлет ночь над камышами,
над глухой травой.
Дуб и берест, клён и явор —
в тучи головою.

1934

БОЙЦЫ

Трижды в небо выстрелы послали.
Напились прохлады ключевой.
Опустив поводья, отъезжали
От могилы снова в лютый бой.

Тихо плакала в лугу калина.
Старый партизан сказал: «Беда!
Им сдавила грудь сырая глина,
И под плечи затекла вода...»

И сказал другой: «Не в этом горе,—
Верно в бурю народились мы:
Все пути от моря и до моря
Нашими усеяны костями!»

Громко свистнул ветер, пролетая,
Запылал на западе пожар,
И, седой, на стремях вставая,
Тут бойцам промолвил комиссар:

«Не такая нынче нам година,
Чтоб себе могилу выбирать.
Чем тут плохо? Ягода-калина
Будет их покой оберегать.

Мы прошли от моря и до моря,
Чтобы засияла навсегда
Сквозь неправду и людское горе
Наша пятикрылая звезда!»

«Что ж,— бойцы сказали,— дело ясно.
Нам о прошлом нечего жалеть.
Мы за эту правду все согласны,
Если нужно, трижды умереть!»

И тогда вперёд рванулись кони,
И, не оглянувшись,— в ураган,
На таком безудержном разгоне,
Что не снился никогда врагам!

1935

ПЕСНЯ О БРАТСКИХ МОГИЛАХ

Ветрами студило, дождём её мыло,
Над ней колыхался туман,
Похожа на многие эта могила,
Как рана на тысячу ран.

Вечерние зори над ней пламенеют,
Как марево шумных знамён,
И камень суровый редее над нею,
На камне ни дат, ни имён.

Лежат под тем камнем, погибнув достойно,
Как братья в родстве боевом,
Московский кузнец, белокурый эстонец,
Последним почившие сном.

Лежит здесь рыбак из Херсона и рядом
Полтавец — простая душа,
Иван Чумаченко, боец продотряда,
Уралец и два латыша.

Над ними в походе встаёт Украина,
Родная моя сторона,
И каждого, верно, припомнит как сына,
Как сына родного она.

Их солнце сушило, дождями их мыло,
И ветры летели тропой.
Стоят незабвенные эти могилы
В степи Украины родной.

1937

ДВА ПИСЬМА

В Черноморской стороне
При долине-долинé
Скачет милый на ретивом,
На буланом скакуне.

Ветер клонит ковыли,
Тучи стелются вдали,
Конь несётся и копытом
Не касается земли.

Здравствуй, милый-чернобров,
Будь и весел и здоров,
Налетит обидчик-ворог,
Будь с обидчиком суров!

Шлёт поклон тебе родня,
Вспоминай всегда меня,
Будь могучим и счастливым,
Береги в беде коня.

Не печалься обо мне,
Напиши письмо родне —
Как живётся в той далёкой,
Черноморской стороне?»

Через весь простор полей
Милый письма пишет ей:
«Я зовусь бойцом недаром
В красной коннице моей.

Нам чужбина не страшна,
Всюду родина одна—
И поближе, и подальше—
Дорогая сторона.

Добрый конь мой,— будто змей,
Коль умеешь, разумей,—
Почему он самый лучший,
Самый верный из друзей.

Как я в строй с конём вставал,
Мой отец его седлал,
Подтянул ему подпругу,
Повода мне в руки дал.

Как пошли мы из села—
Мать, стремян касаясь, шла,
А сестрица на прощанье
В гриву ленточку вплела.

А как вышли за село—
Тихо скрипнуло седло:
Что ж в народе моей милой
Моё сердце не нашло?

А как встали мы в ярах,
Свистнул ветер в яворах,
Ярый ветер крутояром
Закрутился на буграх.

Поднялся вороний грай,
Зашумел в степи курай—
Вижу издали платочка
Шёлком вышитого край.

Вижу: едет в стороне
Дорогая на коне,
Что в одном с моим буланым
Вырос вольном табуне.

Ярый ветер, тихий край,
Да вороний дикий грай,
Да курай над крутояром,—
Знали — видели — прощай!»

*

В Черноморской стороне
При долине-долинё
Скачет милый на ретивом,
На буланом скакуне.

Ветер клонит ковыли,
Тучи стелются вдали,
Конь несётся и копытом
Не касается земли.

1938

МОСТ

Бой. Музыка. Гроза. И ночь росла
Из трёх ключей: грозы, оркестра, боя.
Чугунный старый сыч стонал со зла,
Швыряясь чёрной бранью за рекою.

Бил ветер в грудь, беснуясь на реке,
И грузно спотыкались на разгоне,
В прибрежном увязая лозняке,
Слепые в мраке, бешеные кони.

Ещё под вечер развалили мост
Задохшиеся вражки батареи,
И бой вставал, во весь поднявшись рост,
Лишь к ночи, и дышал он только ею.

Валились трубы, выстрелы, клинки
В сквозной расщеп расколотого мрака,
И отражали молнию зрочки,
Как становой хребет ночной атаки.

С ума сводила музыка, а гром,
Что не был предусмотрен в партитуре,
Боролся с флейтами и вырастал потом
Крутой стеной сражения и бури.

А ночь тянулась сутки. Трубачи
Трубили помертвелыми губами.
И падали, разбитые, в ночи
Дубы, дождём разбрызгивая пламя.

Когда ж последний дуб упал в огне,
В реке подняв фонтаны алой пыли,—
Уж лошади на этой стороне
Свой жёлтый зуб на мундштуках щербили.

В один поток сливались три ключа,
Кавалерийской лавою обрушась,—
В дым выстрелов, в размах клинков с плеча,
В глаза коней, где были боль и ужас.

Сводили долго счёты и концы,
Стихали, отдыхая на привале,
Где раздобыли самосад бойцы,
И кони дымными губами воду брали.

Бой. Музыка. Гроза. Какой тревожный мост
Связал незримо две далёких ночи!

...Концерт окончен. Молчалив и прост,
Кавалерист идёт и прячет очи.

КАТЕРИНА

Катерина! Над лиманом,
над Орелью — лёт утиный.
Хмуры пашни. Даль туманна.
Всё как надо. Чин по чину.

В камышах по-над водою
бродит осень-непоседа.
Что же это мы с тобою
не dokonчили беседы?

Ни беседы, ни молчанья!
В расставанье, на разлуку,
дай-ка в очи — на прощанье—
поцелую, стисну руку.

Кроет небо облак тёмный.
Ты светла. Я слёз не вижу.
Через десять лет припомню,
через двадцать — не увижу.

Ну, прощай... А ветер пьяный
с тихим дождиком столкнулся.
Над лиманом, за туманом
сизый селезень взметнулся...

1934

ДОКНЯ

Скрипка плачет, горько плачет скрипка,
контрабасы вторят ей, скорбя.
Вот и молодость моя проходит, рыбка,
вот все меньше я люблю тебя.

Если все оставить и забыться,
снова на железный мост взойти,
где зелёная вода струится,—
жизнь пойдёт по старому пути.

Будут поезда катиться на Полтаву
и обратно вплоть до Лозовой,
будет Харьков обещать нам славу
и Лебяжье хвастать тишиной.

А сентябрь к себе покличет, рыжий,
всю дружину леса и степей,
прокричит ещё кукушка трижды,
и в ветвях замолкнет соловей.

И когда попросит сердце снова
песни непропетой у меня —
за любые радости былого
не отдам сегодняшнего дня.

Через дружбу, и вражду, и муки,
через разведенные пути,
без тоски, без мысли о разлуке
буду на руках тебя нести.

Мимо слёз, в которых тонет скрипка,
мимо слёз, подобных хрусталу,
молодостью непогасшей, рыбка,
в слове мной не сказанном: люблю.

1935

Е Л Е Н А

На Полтавской улице, над пеной
Молодой листвы который год
Твоего родителя, Елена,
Масляный стучал, гремел завод.

Был родитель твой косматый, рыжий,
Небольшого роста и с горбом,—
Но кирпичный под железной крышей
Недурной себе построил дом.

На дворе крутые кони ржали,
Ссорились крутые мужики.
Ничего они не выпускали
Из дублёной и большой руки.

Постава работали исправно,
Гнулась, гнулась батраков спина;
Меж телег прохаживалась плавно
Молодая дочка горбуна.

Масло выступало, и рядами
Выжимки росли по сторонам.
Синими и жирными рублями
Падала макуха ей к ногам.

Золота отец твой, своенравец,
В косы дочке вплёл, не поскупись.
Сколько загубил горбун красавиц,
Чтобы ты — такая родилась.

Ой, ты улица и листьев пена,
И от зноя дымка, словно мгла.
Ой, ты дочь хозяйская, Елена,
Ты меня до горя довела!

Я входил в дубовые ворота,
Был мешками весь завален двор.
Тайная тревога и забота
Наполняли мой ревнивый взор.

Ледяным твоим глазам в угоду,
Ради золотых твоих волос,
Растерял я молодые годы,
Для тебя все беды перенёс.

Ради губ твоих горячих, алых,
Привередливых, надменных уст,
Сколько чувств в душе моей пылало,
И дотла сгорело сколько чувств.

Я молчал, не говорил ни слова,
Твой родитель гнул меня вдвойне:
Я таскал мешки все снова, снова,
Словно запродавшись сатане.

Но, Елена, не к чему лукавить;
Что мне было делать с горбуном,—
Иль фонарь ему под глаз подставить,
Иль огреть хозяина кнутом.

Я свою любовь таил украдкой,
Я молчал, не говорил с тобой,
Но однажды вечером над кадкой
Руки мыл я дождевой водой.

Ты прошла, а подойти посмей-ка—
Прошумела платьем. Ну так что ж!
— Подожди, Елена-чародейка!
Не спеши, куда же ты идёшь?

И остановилась, но ни слова
Не сказал я: был твой взгляд таков
Что стоял я вовсе бестолково,
Дураком стоял из дураков.

Словно камень пролетел над ухом,
И всплеснулась сонная вода!
— Что ж ты стал, носи свою макуху!
И всё ясно стало мне тогда.

Девятнадцать мне с немногим было,
И мою тоску, поднявши бровь,
Ты хозяйским глазом оценила
И решила: дешева любовь.

Что ж мне делать, что ж теперь сказать им —
Горбуну и дочери его?
То, что я не стал хозяйским зятем,—
Это будет даже ничего.

Отшумела юных листьев пена,
Дождевая зацвела вода.
Чародейка чортова, Елена,
Ты Полтавской улицы беда...

Только в сердце что-то ноет глухо,
Хоть давно перекипела кровь.
Стала в горле, как твоя макуха,
Горестная первая любовь.

У Л Ь Я Н А

Будет слово, будет песня про весну и вечера,
про пылающие зори, про любовь и трактора...
Дуют молодо и люто в марте месяце ветра.

Степь и ветер. Степь и небо. Степь и солнце. Целина.
Выезжает в степь бригада, а в бригаде — вот те на! —
едет девушка в бригаде, да пригожа, как весна.

Что ж ты, девушка Ульяна, от бригады отстаёшь?
Что ж ты, девушка Ульяна, полной нормы не сдаёшь?
Ой, весенним ветром пьяный день, как молодость, хорош!

Молвит тот и молвит этот, молвит третий тракторист:
«Не твоё, Ульяна, дело — лучше ты и не берись!»
А четвёртый молвит: «Смело крой, Ульяна, торопись!»

День, другой — соревнованье, а Ульяна отстаёт —
трое рады, а четвёртый им руки не подаёт.
И идёт в ночную смену он с Ульяной не в черёд.

Холодны вы, ночи марта! Степь кругом черным-черна,
Ветер молодо и люто мчитса степью. Целина.
Ой, ночей бригадных темень, холод мартовский, весна!

А наутро поднимают трое девушку на смех,
и четвёртый покраснелся, а она не слышит тех,
для кого её работа только повод для потех.

День, другой соревнованье. День да ночь, ещё два дня —
у троих растёт тревога, смех недавний заменя.
У четвёртого же взоры — два весёлые огня:

«Что ж вы, хлопцы, от Ульяны отстаёте на версту?
Видно, хлопцы, вам Ульяну обогнать неможуту?»
Ой, весенним ветром пьяно дышит молодость в цвету!

Ой, пылающие зори, холод мартовский, весна!
Над распаханною степью ветер кружится спяна,
и ложатся ровно зёрна, где лежала целина!

1934

ПТИЦА

Прошла она в сером свитре,
меня увлекла за собой,
и волосы, взбитые ветром,
вильсь над её щекой.

В вечерних песнях летучих
за ней оставался путь,
и за город плыли тучи—
хотелось им день вернуть.

Пространства почувствовав эти,
проникнутой их новизной,
тебя я заметил, заметив,
что это впервые со мной.

И снова иду я -- прохожий,
и даль предо мною лежит.
Ну, чем ты на всех непохожа?
Но схожа ты с кем, расскажи?

Я видел такую же поступь,
а в согнутой в локте руке
есть еле заметное сходство,—
но с кем?— Я не ведаю с кем.

Я медлю и медлю с ответом,
но небо ясней и ясней.
Осеннего леса приметы—
решенье загадки твоей.

Я вижу — пора золотая
леса, словно жар, обняла.
Далёкая птица взлетает,
как знак твоего ремесла.

Теперь мне нельзя ошибиться,—
твой поднебесья и лес.
Ты — птица! Ты — девушка-птица
весёлых и светлых небес.

Вчера самолёты взлетали;
я видел в закатном огне —
из тёплой и розовой дали
с крыла улыбалась ты мне.

А после в пространство летела,
откинута ветром, с крыла,
и песней наполнилось тело,
и песней сама ты была.

Ты радости в небе искала
и вновь опустилась в поля—
ты в этих полях расцветала,
и трижды родной тебе стала
огромная наша земля.

1935

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Огромна страна — и огромна работа
в колхозе, в милиции, в доме и в цехе.
Но всё же тревога, печаль и забота
врываются в наши дела и успехи.

Легко ли добиться такого порядка,
чтоб горя людского не стало на свете?
Несчастные случаи! Сухо и кратко
о них сообщают в вечерней газете.

И ты узнаёшь из газеты про то, что
без четверти семь у окошечной дверцы
седая старушка скончалась на почте,
что смял паралич одряхлевшее сердце.

Скончалась старушка! Чего же мне грустно
и сердце стучит так неровно и глухо?
Не в этих масштабах поэты искусны!
Поэтам подстать равнодушье к старухам!

Я знал ту старушку. Частенько, бывало,
мы рядышком с нею на почте стояли.
Она у окошка письма поджидала
в огромном, шумливом, зашарканном зале.

В потёртой жакетке, окутана чёрным
заштопанным шарфом, она там стояла,
смотрела на юношей, крепких, упорных,
на смуглых девчат — и печально молчала.

Для всех переводы... Письмо у любого...
Порой телеграмму несут голубую...
А ей, горемычной, от сына родного
хотя бы открытку! Хотя б доплатную!

У многих старух ни тревог, ни заботы,
под старость имеют они на утеху
сынов-агрономов, героев-пилотов.
У ней же пропал он, как только уехал.

У многих невестки умны и толковы,
хоть с кем-нибудь можно поспорить сердито!
У ней же от сына два года ни слова,
и только на почту дорога открыта.

...И вот узнаёшь из газеты про то, что
без четверти семь у окошечной дверцы
седая старушка скончалась на почте,
что смял паралич одряхлевшее сердце...

Я тоже, как все вы, подчас забываю
порадовать маму известьем о сыне;
а деньги отправить всегда вспоминаю—
когда ни гроша не осталось в помине.

Я тоже не думал в уюте домашнем,
что скорая помощь напомнит порою
о смерти на почте, внезапной и страшной,
о ласковом сердце, убитом тоскою.

Герои! Пилоты! Водители танков!
Поэты, литейщики и агрономы!

Пишите открытки со всех полустанков
и шлите домой человеку родному,-

Домой, где любовь расцветала над нами,
домой, где учились мы жить и шагать,
где ждёт нас, безмолвно тоскуя ночами,
седая, родимая, дряхлая мать.

1934

СМЕРТЬ КАМОЭНСА

С. Голованкивскому

Дон Людвиг Камоэнс, униженный судьбой,
В промозгом госпитале Лиссабона
Лежал один впотьмах, в бессоннице тупой
И смерти ждал, слабя неуклонно.

Вот лучик проскользнул вечерний по стене.
Сгущалась ночь удушливой отравой.
Вся жизнь была, как сон, и снова, как во сне,—
Пред ним любовь, пред ним война и слава.

Любовь?— Он знал её. Изгнание и войну
Всё вынес, — всё припоминает разом.
Весёлый пьяный мавр дал шпоры скакуну —
И вот он падает с пробитым глазом.

А вы — по двадцать глаз хотя б имели вы,—
Что видели вы в мире беспредельном?
От грохота веков до шороха травы —
Всё для него звучало гимном цельным.

Он мир вмещал в себе. Он с чудом был знаком,
Знал меру чистоты и вес порока.
Он грубо растолкал и гнал вперёд пинком
Муз мешкотных... Но много ль в этом проку?

Мир замкнут навсегда, и брошены ключи
В поток забвенья, в ледяную Лету.
Погиб яванец-раб, что нищенски в ночи
Вымаливал хоть хлеба для поэта.

Любовь к поэзии,— он душу отдал ей.
Отчизна на базар. Своей святыней
Не торговал старик. И в немощи своей
Как он гордится, как он счастлив ныне.

Ржавеет меч в углу. Чернильница пуста.
Смердит похлёбка в миске оловянной.
И всё... Но нет,— школяр-гуляка не спроста
Всю ночь сквозь сон бормочет, будто пьяный.

Как долго он в углу урыльником гремит,
Клянёт свою красотку, вяло стонет.
— Сдаётся, что поэт, как и всегда, не спит,
Да и меня ко сну совсем не клонит.

Хотелось бы мне знать, всю правду или нет
Писали вы про шторм в Кароманделе?
Что ж, в этот страшный час ваш боевой корвет
Был выброшен на скалы в самом деле?

По чести вам сказать, я выдумкой считал,
Что, состязаясь с бурей морскою,
Спасая песнь свою, вы до прибрежных скал
Гребли одною правою рукою.

Бывало, что и я — страсть как любил стишки —
С кем не бывало случая такого,
Но к дьяволу всех муз! Нужны нам две руки,
Милейший мой, чтоб жизнь прожить толково.

Поэт молчал. Потом он из последних сил
Устало прошептал, дрожа от горя:
— Все правда! Много бурь и гроз я выносил
И в Средиземном и в житейском море.

В потоках зависти, презренья, чёрных зол
Изнемогал перед судьбой суровой,
Но от ударов тех защиту я обрёл
В одной руке своей здоровой.

В другой была над смертью поднята
Для вечности, для моего народа
Награда высшая,— та песня, та мечта,
Что мне дороже жизни и свободы.

Пускай другой поэт, в иной счастливый век,
В живых словах, на языке безвестном
Свидетельствует, что погибший человек
Народу верен был в деяньи честном.

Плыл медленный рассвет сквозь щели стен сырых.
Школяр храпел. На стенах и на сводах
Мокрицы ползали. Навек глаза закрыв,
Дон Людвиг Камоэнс обрёл последний отдых.
1938

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Павлу Антокольскому

...Запели копыя на Дунае,
И слышен голос Ярославны —
Кукует раннею кукушкой:

Гибнет
Сердце от разлуки.
Знаю,
знаю,
знаю:
мечут вражьи харалуги
искры по Дунаю.

Где ты, князь мой?
(Только поле трупы устилают.)
Где ты милый?
(Только ветер в ковылях гуляет.)
Слышен хрип коней,
и стоны
сердце надрывают.

Вижу, князь упал мой в поле,
русичи в раздолье
полегли,

не встать им боле,
не увидеть воли...

Нет врагам конца и краю,
степью кони скачут.
Я кукушкой по Дунаю
полечу — заплачу.
(Где мой князь, его дружина
на каком привале?)
Омочу рукав бобровый
я в реке Каяле,
оботру я кровь на ранах у моей отрады.

Где ж вы,
русичи родные,
где вы, мои лады?

Зарюю плачет Ярославна
на городской стене в Путивле,
кручинится, а перед нею
стоит стеною лес дремучий
и дали заслонил. Не видно,
не слышно князя из похода,
ни коней, ни мечей, лишь ветер
гудит в дубах и сосны клонит.

О ветер, ветрило!
вымолви слово
мне —
почему
веешь навстречу князю сурово?--
Я не пойму,—
Ветер могучий!
Поле в пожаре — небо в дыму.
Воины в поле — горе в дому.
Ханские стрелы в сердце ему,

О, почему?
Ветер могучий!
Веял бы в тучах, реял бы в море
вслед кораблям!
Что ж мою радость прахом развеял
по ковьялям?
О ветер, ветрило!

И снова плачет Ярославна
на городской стене в Путивле,
кручинится, а ветер-ветер
несёт слова её печали
до берегов Днепра Славуты.

Славутич, Днепр мой!
ты еси
до половецкой злой земли
свою пронёс в ущельях воду
сквозь острые кремни.
Ты Святослава корабли
до Кобяковского похода
носил еси.

Чтоб слёз своих на море сине
зарёй не слать мне, господине,
мою усладу принеси
и мне верни,
и мне верни...
Так плачет, ходит Ярославна
на городской стене в Путивле,
кручинится, а солнце всходит.

Трисветлое
солнце светлое!
Ты всем тепло, красно еси,
а русичей ты жгло, не грело.

Что ж лижут вражеские псы
бойцов израненное тело...

Иль ты не во-время взошло,
Что в поле луки им сожгло,
Колчаны жалостью изъело?

А солнца уж не видно ей,
разбушевалося в полночь море,
взыграли мгlistые бураны,
а Ярославна ходит, плачет
на городской стене в Путивле,
кручинится...

И к ней волною
летит степною стороною
звук песен, гомон голосов.
Под незнакомым небосводом
железный полк идёт походом
с иных степей, иных веков.

Шеломы, стяги, зори, зори,
и в небе шум, и шум на море,
и в небе, в море — корабли.
Не половецкой злой погони
гарцуют, ржут ретиво кони
по краю русскому земли.

А в небе отблески тревоги,
и на безвестные дороги
легли над водами мосты.

О русская земля, родная,
непобедимая, без края,
тебя узнал я — это ты!

Т Р И П О Л Ь Е

Пароход подошёл под зелёные кручи,
Огибая песок золотой.
Ветер вдруг изменился и скрылся — летучий.
Я остался один — сам с собой.

Глухо о берег грохнулись новые сходни,
И канат пролетел в свой черёд,
То, что было вчера, он связал и сегодня:
Холм высокий и наш пароход.

Пронеслись предо мною, как пепел и пламя,
Словно тучи с пожараищ седых,
Дни былые, пылавшие здесь над холмами,
Оборвавшие жизнь молодых.

Стало горько Славуте (гора ведь свидетель),
И русло от горы отошло.
Окружили меня незабвенные эти,
Повели по тропинке в село.

Солнце в небе сияет спокойно и ясно,
Как барвинок колеблется высь,
А земля под ногами торжественно, властно
Говорит мне: остановись!

Подожди, посмотри — тут стояла криница.
Сруб в крови. Что ни тын — западня.
Ветер дальше летит... И пожарище снится...
Пролетел и оставил меня.

Он спешил в лозняки, за тыны, на дорогу,
Где в песках окопались друзья.
И печаль догонял и трубил он тревогу,
Приземлялся, над полем скользя.

Чтоб увидеть Ратманского мёртвые очи,
Догоревшие в пламени мук,
Он траву разбирал у дорожных обочин,
Чтоб увидеть убитых подруг.

И обвеять сожжённые щёки и губы,
Вновь заметить пожаров следы,
И услышать, как плачет и мечется Люба
И, сгорая, лепечет: «Воды!»

Полноводный Славута! Славута широкий,
На холмы ты взлетал бы весной,
Но разливом своим, даже в вешние сроки,
Ты не залил бы жажды такой.

Много слышал, Славута, и страшные слухи
Ты выслушивал, не побледнев,
Но не видел, чтоб жизнь, словно жизнь Заверухи,
Обрывалась, как звонкий напев.

Вечность ночи тянулась во мраке амбарном,
Темноту тихим стоном смутив.
Их под утро подняли, связали попарно,
Умирать повезли на обрыв.

Подгибались колена, но, мужества полны,
Не сдавались сердца, и пошла
Из обрезов пальба, и в горячие волны,
Не остыв, полетели тела.

Словно радость приняв, не тяжёлые муки,
Словно счастье влетело с свинцом,
Понеслись по теченью, раскинули руки,
К небесам обращая лицо.

Обе стороны — низменная и крутая —
Их встречали. Несла их вода.
Проплывали они, берега обнимая,
Их друг с другом связав навсегда.

Так шумела их юность и смерть находила.
Только тучи давно унесло.
Я стою на высотах над братской могилой,
Я гляжу пред собой на село.

Потонуло в садах, разбежалось по долам.
И заря проступила сквозь дым.
Вновь задули ветра. Я на полный свой голос
Говорю мертвецам и живым.

Ваши зёрна взошли, и волнуется жито
И легло на могилу венком,
И к Триполью дорога прямая открыта,
И пошло оно нашим путём.

Ваших песен ясна и прозрачна криница.
Эта песня повсюду со мной,
Эта свежесть и в трудные ночи струится
И в жаре исцеляет дневной.

Я не плакал о том, кто под Крутами падал,
Я о многих друзьях не рыдал,
Никому не готовил я тайного яда,
Вам навеки свой голос отдал.

Вот он — ваш, ваша сила его укрепила,—
Только эхо несётся за ним.
Я над вашей стою, над священной могилой,
Говорю мертвецам и живым:

Здесь пожар догорал и чернели руины.
Отгремела гроза у горы.
Разостлала на двух берегах Украина
Вдоль колхозов живые ковры.

Здесь лишь ветер над пеплом водил хороводы,
Улетела заря за моря,
И на двух берегах, словно башни, заводы
Возвела Украина моя.

Ваш поход продолжаем. Он твёрд и отважен,
Наша молодость — волей крепка.
И плотина, как радуга, встала на страже
И связала мостом берега.

Украина в семействе советском едином,—
Так привет Украине моей.
Пей, родная, октябрьская Украина,—
Яркий свет и лучей и огней.

Д Н Е П Р

Рассвет приближался. Роились багряные тучи,
Несли их могучие ветры за край небосвода.
Я долго стоял у Днепра, над обрывом, на круче,
И слышал, как старый катил свои тяжкие воды.

Прибрежные травы клонились вдали, над равниной,
И по ветру бились деревья в предутренней хмури,
И с запада двигались тучи свинцовой лавиной,
Огни высекали и выли дыханием бури.

Но всё затихало, и, рогом прорезав завесу,
Вдруг месяц врывался из тучи — и свет неоглядный
Ложился вдали чуть заметным туманом над лесом,
На берег высокий, на волны, луга и поляны.

На миг открывались такого размаха просторы,
Что глазу казалось им нет ни предела, ни края...
Вдали подымался Кавказ и росли Черногоры,
И Волги разлив докатился до устья Дуная.

На миг небывалой и сказочной веяло тишьо,
Такой, что казалось — не говор ли это знакомый
Вдали, над Москвою рожденная, буря колышет
И в мир посылает великие отзвуки грома.

А буря всё шире, её не удержишь порывы,
Она вырастает, врывается музыкой в уши...
Я долго стоял у Днепра над высоким обрывом,
Могучую века симфонию долго я слушал.

Она выростала в тревоге и силою полной
Вставала на три головы над туманом безглавым,
И старые волны Днепра, неустанные волны,
Как в море, в ту песню врывались,— и их понимал я.

И пели они, ударяясь о берег, всё пели,
Деревья и травы внимали их пенью, и кручи
Дрожали в тревоге, и тучи к востоку летели
За край горизонта, под натиском ветра могучим.

С верховий, с болот и до самого Черного моря
Лесами густыми, становьями древнего бога
Пролёт я дорогою слёз и народного горя,
Печальной, далёкой, от века кровавой дорогой.

Ковши закипали червонной и пенистой брагой,
Мечи харалужные кости кривые дробили,
Дорогою в греки разбойные плыли варяги,
Купцы, обиралы и гости желанные плыли.

И в Киеве слава, и в Новгород-Северском слава!
А солнце на небе — кровавая свежая рана.
И падает войско, и падает сын Святослава
Под злые копыта коней половецкого хана.

А кони напрасно всё ржут над печальной Сулою,
Напрасно курянам на оклик трубы отзываться:
Над Суражем тьма, и Посулье затянуто тьмою,
И Диву полному долго ещё надрываться.

Ковши закипели, огни над водою пылают,
И дымные тучи разорваны месяца рогом,
Смолят Байдаки, и коней непокорных седлают,
И сиры, и голы,— и воют в низовьи пороги.

Так мне шелестели, так бились под кручею волны,
И в чёрные омуты рушились, воя угрюмо,
Я чувствовал песню и силу, и голосом полным
Окликнул я старого с кручи: «Так вот твои думы?»

Лежал ты столетья, закованный ржавым железом,
И стала как пыль твоих песен кипящая лава,
И стоит ли думать о славе минувшей и тесной,
Иль слава минувшая только и есть твоя слава?»

И он отвечал мне, волной ударяя с разгона,
Взревел непокорный и воду запенил сердито:
«Давно уж поблёлки, истлели бывшего знамёна,
И слава былая давно о пороги разбита.

Здесь были, ходили иные добытчики славы,
Трясли бунчуком и дарованною булавою.
Искали добычи всей гончей, собачьей оравой,
И все они сброшены в омуты вниз головою.

Здесь были, ходили и славы моей добывали,
И ставили табор, и коней походных поили...
Ударили волны — и все они стигли, пропали,
Не вспомню, как звали... Быльём поросли эти были.

От моря до моря хотели... от моря до моря!»
И в голосе старого столько досады вскипело,
И так заревел он, и волны взметнул словно горы,
Что гневное эхо по всей по округе летело.

«Эй, там, выходите! Кому неизвестны породы
Людей, что идут, что хотят завладеть моей славой,
То слава народа. И встали на страже народы.
При славе на страже. И не отдадут это право».

И снова ударит и снова до неба взметнётся,
Ревёт и клокочет всей ширью косматой равнины.
Люблю тебя, старый, люблю тебя, вольный и грозный,
Восставшая слава моей молодой Украины.

Люблю тебя в бурю, седого, в ночи воробьиной,
Как падают молний осколки в бегущую воду,
Слетают заплаты с небесной сырой мешковины,
Твоя красота дорога мне в любую погоду!

Светало. Вдали, на востоке, редела завеса.
Незримые солнца лучи упали на кручи.
За буйно зелёной стеною далёкого леса
Не первой грозы оседали последние тучи.

И вспыхнула даль, полосой озаряясь кровавой,
И солнце вставало над Ленинским плесом, над лесом,
Великое солнце, Днепра небывалая слава,
И песня взлетала и таяла над Днепрогесом.

ЛЕСНИЧИХА

1

На Посулье, под горою —
В круг лесов зажатой,
Вечный сумрак над водою,
Тихие закаты,
Там дубы накрыли крышу
Лесниковой хаты.

Только где ж он сам, зачем он
Встретить не выходит?
Лесничиха не расскажет
Никому в народе —
То ль погиб он на Карпатах,
То ли на Стоходе?

В час, когда ударил землю
Конь войны копытом,
Он пошёл одним из первых
По полям разрытым.
Скрылся август за межою,
За несжатым житом.

Зашумели, облетели
Чащи на просторе,

Листопад прошёл над чашей,
С листопадом горе,
Лёд сковал пруды и реки,
Снег на косогоре.

Трижды с юга к старым гнёздам
Возвращались птицы.
Над криницею гадали
Вдовы-молодицы.
Нет войне конца и краю,
Нет у дна кринице.

На колючках немцы, боже,
Наших трупы — тоже!
Снег над линиями фронта,
Ворон на стороже.
— Чьи ж теперь вы, хлопцы, дети?
— Царские да божьи!

Что ты слышишь, лесничиха,
На войне не тихо.
Там, в простреленной шинели
Ходит фронтом лихо,
Но февраль огонь в солому
Бросил, лесничиха!

Уж гудят по-над Сулою
Сёла, скрыты мглою,
На поля Октябрь выходит,
Над степной травой.
Правда с кривдой вековой
Бьются под горою.

Что ж ты видишь, лесничиха?
Ночка день сменяет,
Возвращаются солдаты,

Алый флаг пылает.
Все пришли — лишь твой остался —
Где — никто не знает.

Тридцать лет тебе... над речкой
Так и юность сгинет.
Тридцать лет лишь — над водою
Отцветёт калина.
Тридцать лет — а ты без мужа —
Ни дочки, ни сына.

Тропки по лесу, яруги...
Где ж твои подруги?
То, что срублено под корень,
Уж цвести не будет.
Лес весенний солнцем полон,
Сердце ж горе студит.

II

Над Сулою, над стремниной
Тёмною стеною
Чернолесье, словно в бурю,
Двигается листвою.
Будет буря иль, быть может,
Минет стороною?

Возле хаты лесничиха —
Взор из-под ладони.
За рекою, на равнине,
Выстрелы да кони.
Кто стреляет за рекою
И за кем погони?

Над холмами, над дубами
Крикнула сычиха,
В лесовой твоей округе
Уж давно не тихо —
Ты живёшь в соседстве боя,
Сердце-лесничиха!

Топчут немцы Украину
Кованым копытом,
Все дороги Украины
Стоптаны да сбиты,
Всюду реки потемнели
И ворчат сердито.

Потемнели наши воды,
Мрачны неба своды.
Что ты знаешь, лесничиха,
Про бои, походы?
Где падёт зерно свободы —
Грозно встанут всходы.

Мы идем и не свернём мы
С дороги широкой.
Сложим головы, как зёрна,
В борозде глубокой —
Потому что путь к свободе
Тёрн покрыл жестокий.

Пушки бьют по-над Сулою,
Небо скрыто мглою,
Бьётся сердце лесничихи
Пташкою лесною.
Правда с кривдой вековою
Бьются под горою.

За рекою, на равнине
 Немцы да гетманцы,
 Пулемёт — как в лихорадке,
 В сумасшедшем танце.
 В бой уходят на Полтаву
 Молодцы-повстанцы.

Командир бойцам промолвил:
 — Нас осталось мало,
 Угощать гостей придётся —
 Только б пива стало.
 Наливай полней, чтоб пена
 Через край бежала.

Солнце падает за сосны,
 Пахнет дол железом,
 Слева немцы, а гетманцы
 Идут справа, лесом,
 День сгорает за туманом,
 Алым и белёсым.

Командир бойцам промолвил:
 — Что ж! На переправу!
 Путь лежит за Ромоданом
 Прямо на Полтаву.
 На врага, хоть нас и трое —
 Мы найдём управу.

Через брод идут повстанцы
 Там за поворотом,
 Командир их под кустами
 Лёг за пулемётом,
 С ним Чернега, Майборода —
 Лучшие из роты.

Наседают гайдамаки,
Злобный враг лютует,
Вот и ленту прострочили,
Кончили вторую,
Повалился Майборода
На траву тугую.

Повалился Майборода,
Тихо шепчет:— Други,
У меня невеста дома
В Гадячской округе,
Ей скажите, добры люди,—
Всё же легче будет...

Он затих и вздрогнул телом
В тёмной смертной стуже,
И ему Чернега молвил:
— Уж не будет хуже...
Да и сам свалился рядом...
— Майборода, друже...

Командир одич остался,
Ночь грозой дышит,
Вот уж вихрь над чернолесьем
Дерева колышет.
Всё замолкло — лишь порою
Ухо пулю слышит.

Что ж, конец приходит бою?
Дело за тобою,
И направо, и налево
Вороги толпою —
Не зарядишь пулемёта
Лентою пустою.

Ты бредёшь холодным бродом,
Последним походом —

И неведомый народу
Кто, откуда родом,
Кровь свою и ты оставил
Тихим сульским водам...

IV

Бой затих. Уже померкли
Звёзды небосвода.
Тихо в мире — будто боя
Не бывало сроду.
Ночью немцы и гетманцы
Стали возле брода.

Тихо речь ведут гетманцы:
— Здесь повстанцы эти —
Водка есть у нас и сало,—
Кто нас тут заметит?
Ночь передохнём, а к речке
Выйдем на рассвете.

— Что ж,— им немец отвечает,—
Будем утром драться,
А пока давай горилку —
Добрый шнапс, признаться!..
Атаманы пьют у речки,
Стала тьма сгущаться.

V

Ждёт у хаты лесничиха —
Лес гудит в тревоге.
Слышит — стонет над водою
В вербах у дороги.

Что ж ты молча, лесничиха,
Стала на пороге?

Что ж на стон бежать ты медлишь
По лесу ночному,
Почему итти не хочешь
Тропкою знакомой,
Сон, покой ужель забыли
Путь к родному дому?

То, что было, вновь не будет,
Навсегда минует,
Сердце смутно, стороною
Сразу правду чует,
Бьётся сердце лесничихи,
Плачет и тоскует.

Может, там, где луг пологий,
В смертной лёг тревоге
Муж твой, раненный на тяжкой
Боевой дороге?
Что ж стоишь ты, лесничиха,
Молча на пороге?

Ты стоишь, но то не вечность —
Часу не бывало,
Ты стоишь, а крови в сердце
Остаётся мало —
Побежала, на колени
Рядом с ним упала.

Он себя сроднил с народом,
Кто? Откуда родом?
Он за жизнь твою и счастье
Долгим шёл походом,

Чтоб в лесу погибнуть ночью,
Над холодным бродом.

Погляди в лицо скорее,
Кровь течёт из груди,
И горят, засохли губы
В тоске по остуде.
Дай напиться — и не думай,
Что осудят люди.

Принеси холста из хаты —
Легче станет ране,
Скоро первый проблеск солнца
Из-за тучи глянет,
Но беднягу в чаще спрятать
Сил в тебе достанет...

VI

Ты уж знаешь, как живётся
Кротким, лесничиха..
Вот кричит над дубом филин
То громко, то тихо.
Серый волк вдруг обернулся
Придорожным лихом.

День и ночь летят в разгоне
Кованые кони,
Только бьются, не сдаются
Красные погоне.
Гайдамаки палят сёла —
Пленный лес твой стонет.

Что ж живёшь одна с тоскою,—
Дубом и сосною,

Отгорожена от света.
Вроде как стеною?
«Я ещё не умер, слышу,
Говори со мною».

Замолчит он на минуту
И промолвит снова,
Подведёт под прожитое
Новую основу.
Сколько лет она такого
Ожидала слова.

Я ответ на три вопроса
Получить желаю:
Первый — буду ль жить на свете,
Иль уж умираю?
А второй — пробьются ль наши?
Третий — сам не знаю.

Ой, и знаю и не знаю,
Твёрдым быть желаю,
Немцам лишь меня не выдай,—
Я одно считаю
Правдой в свете — жить нам надо
Для родного края.

Лесничиха тихо-тихо
Хлопцу отвечала:
— Жить ты будешь, только в этом
Толку будет мало.
Где же вить гнездо касатке,
Коль крыши не стало?

Нынче злые дни настали,—
Говорит в печали,—
Наших балки да овраги
Всюду поскрывали,

И теперь они к Полтаве
Выбьются едва ли.
Так вот, правды не скрывая,
Отвечать должна я.
Ночь уходит, и над лесом
Зорька золотая —
Что ж скажу тебе я больше,—
Ничего не зная...

VII

Уж густой туман с зарёю
Таёт над водою,
Птичий свист над камышами
Как перед бедою.
Прогремель над осокою
Выстрел за рекою.

За рекой взошёл в тумане
Солнца круг кровавый,
Ищут немец с гайдамаком
Брода-переправы,
Под колёсами орудий
Умирают травы...

Надевала лесничиха
Плат с каймою длинной,
Выходила лесничиха,
Стала возле тына —
Шли обозы на Полтаву,
Шли дорогой длинной.

Шли и кони, и пехота,
Пушки грохотали,

Два сердитых офицера
Возле хаты стали
И вопросы лесничихе
Грубо задавали.

Брод отсюда и дорога
Словно на ладони.
Расскажи, где войско красных,
Где прошли их кони.
Им от конницы не скрыться,—
Всё равно догоним.

Усмехнувшись, отвечать им
Стала лесничиха:
— Мало ль кто проходит лесом —
Не было бы лиха.
Я ведь плохо ночью вижу,
Я — не пугачиха...¹

— С нами, право, молодица,
Спорить не годится.
Ты не робкого десятка —
Стреляная птица.
Ну! Не то с тобою сабля
Вмиг договорится.

Подняла глаза немного,
Посмотрела строго —
Словно молния блеснула
Средь мрака ночного,
И, от тына отступая,
Стала у порога.

— Хальт! — прикрикнул немец строго,—
— Стой! — хорунжий тоже.

¹ Сова.

Задержалась, и мгновенно
На огонь похожий
Вспыхнул гнев, какого сердце
Удержать не может.

И хорунжий наклонился
На одно мгновенье,
Со звездой фуражку поднял,
И зари цветенье
На металле отразилось —
Что ей запрещенье!

И хорунжий револьвер свой
Вырвал из кобуры:
— Говори, кого ты прячешь, —
Иль спущу три шкуры!
Что ж молчишь ты, потаскуха,
Отвечай мне, дура!

VIII

Лесничиха, где тот голос
Раньше ты слыхала?
Мутный взгляд — его ты тоже
Видела, бывало.
Перекошен рот — угаром
Сразу задышало,

И прошло перед тобою
Всё твоё бывшее,
Чем жило ночной порою
Сердце молодое.
Первый день и день последний —
Счастье прожитое.

В час, когда ударил в землю
Конь войны копытом,
Он пошёл одним из первых
По полям изрытым —
Скрылся август за межою,
За несжатым житом.

— Нет, не думала, что встречу
При такой невзгоде...
Ты в Карпатах жив остался,
Цел был на Стоходе.
Возвратился в Украину,
Да в каком походе!

Что же «здравствуй» мне не скажешь —
Ведь любил не мало?
Что же ты теперь не глянешь
В очи, как бывало?
Иль, что было — уж не будет,
Навсегда пропало?

Ты забыл про всё на свете,
Край родной покинул,
Изменил ты и продался
Ворогу в чужбину,
С вражьем войском возвратился
в нашу Украину.

Камень у тебя — не сердце,
Коль оно посмело
Пировать с врагом победу
Над странюю целой.
Будь ты проклят — и навеки
За злобное дело!

А хорунжий, лесничиху
Слушая, хохочет,

Хмурит брови, кривит губы,
Отвечать не хочет.
— Что ты, баба,— образумься,
Не смотрели б очи!

Что ж молчишь ты? Нам с тобою
Некогда возжаться,
У меня ведь суд короткий,
Коль за дело взяться.
Без молитвы можешь в небо
У меня подняться.

От меня и ласки можешь
Заслужить не мало.
Но скажи, где спрятан красный,
Будем, как бывало,
Мы с тобою — только надо,
Чтобы всё сказала.

— Говорить с тобой теперь я
Буду и не буду.
Знала я, где спрятан красный,
А теперь забуду.
Для чего мне знать про суд твой,
Про твою остуду.

Есть пути на свете к правде,
Правда не с тобою,
Не укажешь ты мне счастья
Подлюю рукою,
Не хочу держать ответа
Я перед тобою.

Будут ночи ясны, сини,
И не так, как ныне:
Бедняки забудут скоро

О своей кручине.
Будет воля, будут зори
В нашей Украине!

IX

Войско вышло на Полтаву
Ко всему готово,
Вражий конь уж бьёт копытом,
Топчет плат шелковый.
А тебя я, лесничиха,
Не увижу снова.

Привязали лесничиху
К дереву спиною,
Тёмный лес встаёт за нею
Шумною стеною.
Глухо каркнул вещий ворон,
Вьётся стороною.

И рыдает над водою
Чайка небольшая...
Угасая, день проходит,
Ночь встаёт глухая,
Ствол сосны горит смолистый,
Словно свечка тая.

X

Дни приходят и уходят,
Ночь придёт и минет,
Закипело, зашумело
Всюду в Украине.
И в ночи грохочут грозы
На родной равнине.

Бой идёт на Украине,
Вражью силу клонит,
Бьют копытами дорогу
Партизанов кони,
По полям летят, как ветер,
За врагом в погоню.

Скачут красные в погоню
За ордою злою —
Будто ветер, будто буря
Над травой степною.
Одному отряду выпал
Путь по-над Сулою.

А Сула в полях привольных
Тихо катит воды:
Командир отряд свой спешил
В чаще возле брода —
Он запомнил это место
С первых дней похода.

Он лежал здесь с пулемётом.
Вон кусты-приметы,
И друзья его лежали
С ним в ложбине этой.
Где ты, Майборода друже?
Гей, Чернега, где ты?

Лишь Сула течёт привольно —
Моет берег тихий,
И стоит над синим бродом
Хата лесничихи,
Вылетает из-под крыши
Лёгкий голубь дикий.

А в ночи холодный ветер
Бьёт, что озверелый,
В одряхлевший ствол сосновый,
Чёрный, обгорелый,
Со ствола сдувая пепел,
Давний, поседелый.

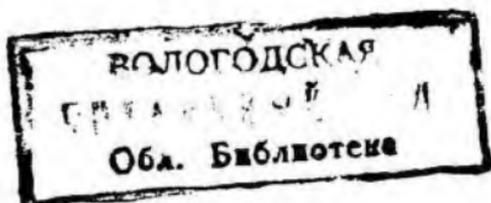
Командир бойцам промолвил:
— Нам не знать покоя.
Будем биться за свободу,
За своё, родное,—
Не забудет лесничиху
Сердце молодое.

Полетим вперёд, как ветер,—
Ой, как дела много,
Всё ещё полна врагами
Звёздная дорога.
Но близка уже победа
Для края родного.

Не пробьются в Украину
Больше вражьей стаи,
Если вспыхнул свет свободы,
Он не угасает.
Перед нами и за нами
Зори расцветают.

Скачут кони за Сулою
По лугам зелёным,
Слава в Киеве грохочет
Радостным трезвоном,
И в Путивле пламенеют
Алые знамена.

Слава бурным дням победы,
Грозным дням расплаты,
Слава нивам и заводам
Вольным и богатым!
Слава силе большевистской,
Жизни, с боя взятой!

СОДЕРЖАНИЕ

З Е М Л Я

1941—1945 гг.

Земля. Перевод <i>М. Алигер</i>	5
Путь. Перевод <i>М. Алигер</i>	8
На Полтавщине. Перевод <i>М. Алигер</i>	11
В осенних полях. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	15
Партбилет. Перевод <i>М. Алигер</i>	17
Подвиг. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	19
Победитель. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	22
Сусанна. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	24
Микола Шляховой. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	27
Мать бойцов. Перевод <i>А. Глобы</i>	30
Соловьи. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	33
Платок. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	35
Разведчик. Перевод <i>А. Глобы</i>	37
Девушка без имени. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	39
Партизанская баллада. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	41
Песня Тараса Бульбы. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	43
Куземин. Перевод <i>П. Карабана</i>	45
Ходит, бродит... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	47
Ночь на крыле грузовика.... Перевод <i>П. Карабана</i>	50
Теплушка. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	51

Инза. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	53
Наши кони и мы притомились... Перевод <i>М. Зенкевича</i>	55
Ивангород. Перевод <i>П. Антокольского</i>	57
На Осколе. Перевод <i>П. Антокольского</i>	60
Товарищ. Перевод <i>П. Антокольского</i>	62
Отступление. Перевод <i>С. Мар</i>	65
Осень на Дону. Перевод <i>П. Антокольского</i>	68
Песенка. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	71
Снег летит. Перевод <i>П. Антокольского</i>	72
Светаёт. Пушки внонь гремят... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	74
К станции чужой, незнакомой... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	76
И холод и голод... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	78
Мёртвый немец. Перевод <i>Евг. Долматовского</i>	80
Ночь... По старому Осколу... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	82
Журавли. Перевод <i>П. Антокольского</i>	83
Третья весна. Перевод <i>И. Френкеля</i>	85
Дорога к дому. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	87
Пушкари. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	90
Солдат. Перевод <i>Н. Кончаловской</i>	92
Сапёр и смерть. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	95
Трубка. Перевод <i>И. Френкеля</i>	97
Старый фотограф. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	100
Солдатские письма. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	102
День рождения. Перевод <i>М. Зенкевича</i>	105
Вернулись аисты с чужбины. Перевод <i>Н. Кончаловской</i>	110
Зелёный дом. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	111
Помнишь ли... Перевод <i>Д. Бродского</i>	115
Ни припомнить дорогою длинной... Перевод <i>Д. Бродского</i>	117
Снова в Куземине. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	118
Когда б ты голубкой была. Перевод <i>Н. Кончаловской</i>	119
Ждешь меня или не ждешь... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	121
Проснись! Видишь облако... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	122
Лес шумит... Перевод <i>Н. Кончаловской</i>	124
Апрель. Перевод <i>Н. Кончаловской</i>	125
В боях суровых... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	130
Письмо из Будапешта. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	132

Когда солдат вернётся... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	134
Как всё это случилось... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	136
Мы говорим: после войны... Перевод <i>П. Антокольского</i>	138
Вновь дорога... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	140
Спроси меня... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	142

ПРЕДГРОЗЬЕ

В час торжества... Перевод <i>П. Карабана</i>	145
Я буду жить... Перевод <i>Евг. Долматовского</i>	146
Как нежный цвет... Перевод <i>Н. Брауна</i>	147
Барвинок стелется в долине... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	148
Роса на клёне... Перевод <i>Н. Брауна</i>	150
По-над обрывом. Перевод <i>В. Инбер</i>	152
За что любить... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	153
И вновь и вновь... Перевод <i>К. Рывичой</i>	154
Не скажу, не забуду, не знаю... Перевод <i>К. Рывиной</i>	155
Уже над сумеречным морем... Перевод <i>В. Инбер</i>	157
Прибой гудит далеко... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	159
Русокосая с тонким станом... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	160
Себе косынку голубую... Перевод <i>Н. Ушакова</i>	161
Хорошо сидели в сёдлах... Перевод <i>Н. Прокофьева</i>	162
Тёмносинее небо прохладно... Перевод <i>Евг. Долматовского</i>	164
В мороз ли, в дождь... Перевод <i>П. Карабана</i>	166
Песня. Перевод <i>А. Суркова</i>	167
Бойцы. Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	170
Песня о братских могилах. Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	172
Два письма. Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	174
Мост. Перевод <i>П. Карабана</i>	177
Катерина. Перевод <i>П. Карабана</i>	179
Дэкия. Перевод <i>Б. Турганова</i>	180
Елена. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	182
Ульяна. Перевод <i>П. Карабана</i>	186
Птица. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	188
Скорая помощь. Перевод <i>А. Безыменского</i>	190

ИЗ ПАМИРСКОЙ ТЕТРАДИ

Молния. Перевод <i>Н. Брауна</i>	193
Камень. Перевод <i>Н. Брауна</i>	193
Месяц. Перевод <i>Н. Брауна</i>	195
Реквием моему коню. Перевод <i>Н. Брауна</i>	195
Пальцы пилота. Перевод <i>Б. Турганова</i>	197

ВЕНГЕРСКАЯ РАПСОДИЯ

1819—1919 гг.

Ой, что за клич... Перевод <i>А. Прокофьева</i>	200
Смерть Шандора Петефи. Перевод <i>А. Прокофьева</i>	201
Марш. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	202
Красногвардеец. Перевод <i>М. Голодного</i>	203
Последняя встреча. Перевод <i>П. Антокольского</i>	205
Клятва в степи. Перевод <i>В. Звягичевой</i>	209
Сталин на Южном фронте (отрывок из поэмы). Перевод <i>П. Антокольского</i>	211
Гори, 27 декабря 1937 года. Перевод <i>С. Спасского</i>	220
Шота Руставели. Перевод <i>П. Антокольского</i>	223
Смерть Камознса. Перевод <i>П. Антокольского</i>	225
Плач Ярославны. Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	228
Триполье. Перевод <i>Н. Ушкова</i>	232
Днепр. Перевод <i>Н. Брунз</i>	236
Лесничиха (поэма). Перевод <i>В. Рождественского</i>	240

ЧИТАТЕЛЬ,
сообщите ваш отзыв
об этой книге,
указав возраст и профессию
по адресу:

Москва, ул. 25 Октября, д. 10/2
Государственное издательство
художественной литературы,
Миссовый сектор

Редактор А. Рябинина
Технический редактор Л. Сутина

*

Сдано в набор 18/VII—45 г. Подписано
к печат. 4 X—45 г. А. 2115^н. Тираж
250.0 экз. Формат 70×108 ¹/₈. 8¹/₄ печ.
л. 8,2 уч.-ант. л. Заказ 1012.
Цена 5 р.

*

С^я типография треста „Полиграф
книга“ ОГБЗ при СНК РСФСР.
Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

ОПЕЧАТКИ

Страницы	Строки	Напечатано	Следует читать
98	13 сн.	На что	На то
115	8 „	Я видел	И я видел
178	7 и 8 сн.	и концы, стихали,	и концы стихии,
179	7 сн.	не вижу	не нйжу
217	10 св.	Уже не слышишь	Уже ни услышишь
220	12 сн.	Ленктимур	Ленгтимур
223	10 „	ринется дождь	и ринется дождь

Леонид Первомайский. Стихотворения

WS

№. 53 г.

56

5 P.

SA
A

SA

2